

РОМАН БУРЕВОЙ

Все дороги ведут в Рим

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ФАНТАСТИКА

Роман Буревой

Все дороги ведут в Рим

Серия «Римские хроники», книга 5

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=141338

Все дороги ведут в Рим: АСТ, Астрель-СПб; М., СПб; 2005

ISBN 5-17-032465-0, 5-9725-0110-4

Аннотация

Император Постум вырос. Скоро ему исполнится двадцать лет. По закону диктатор Бенит должен сложить с себя полномочия и вернуть власть императору.

Но диктатору плевать на закон...

А тем временем на востоке Чингисхан вновь собирает свои армии в поход. Что может противопоставить Бенит громадной, великолепно вооруженной армии Чингисхана? Несколько жалких легионов? Зато он может отправить в бой юного императора, чтобы тот погиб вместе с армией... Никто не сможет спасти Рим от поражения. Разве что всемогущие боги...

Содержание

ЧАСТЬ I	5
Глава I	5
Глава II	30
Глава III	49
Глава IV	113
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Роман Буревой

Все дороги ведут в Рим

Но – не знаю, какой судьбой – наш век совпал с таким

временем, что как раз тогда, когда нам надо было бы

особенно процветать, нам даже совестно жить.

Цицерон

ЧАСТЬ I

Глава I

Игры Бенита против Африки

«Почти девятнадцать лет боголюбимый диктатор Бенит обеспечивает процветание Империи! ДА ЗДРАВСТВУЕТ ВОЖДЬ!»

«Африка по-прежнему отказывается войти в состав Римской Империи, не понимая, что прежнее Содружество не может защитить союзников Рима в новых условиях. Диктатор Бенит предупредил Альбион, что вмешательство в дела Африки недопустимо. Присутствие Третьего легиона обеспечит лояльность новой провинции. Рим не может спокойно смотреть, как попираются его интересы и интересы всего цивилизованного мира».

«Акта диурна», 4-й день до Нон апреля 1995 г. от основания Города¹

¹ 2 апреля.

I

– Император! Император! – шептали одни.

– Дорогу! Дорогу! – кричали другие.

Испуг – преувеличенный, почтение – не искреннее.

Неподдельным было лишь любопытство.

Два преторианца остановились у храма Юпитера Статора, наблюдая, но не вмешиваясь.

Императорская колесница неслась по улице Триумфаторов к Колизею. Золоченые диски колес дробили солнечные лучи и щедро расшвыривали блики. Надувные шины и подшипниковые втулки сделали ход колесницы легким и бесшумным (слава техническому прогрессу, который вторгся даже в такую консервативную отрасль, как изготовление колесниц). День был яркий, солнечный, неспешно катились к Аппиевой дороге авто с открытым верхом, водители и пассажиры приветствовали императора и старались придать лицам выражение серьезной почтительности. Но кое-кто невольно усмехался или осуждающе качал головой. Молодые щеголи встречали императора криками и хлопаньем в ладоши.

В золоченую колесницу Августа были впряжены четыре нагие девицы – длинноногие, стройные и грациозные, превосходные молодые кобылки. Три нежно-розовых тела и одно кофейного оттенка – на смуглой коже великолепно смот-

релись драгоценные украшения сбруи. Светлые волосы белотелых красавиц летели по ветру, а в черных кудрях эфиопки развевались синие и красные ленты. Август наигранно размахивал плетью и грозно покрикивал на «лошадок». Девушки отвечали то смехом, то руганью и мчались вперед все резвее и отчаяннее, намеренно мотая колесницу из стороны в сторону, норовя опрокинуть и вывалить императора на мостовую. Но опрокинуть колесницу было не так-то просто – Август был ловким возничим.

– Быстрее! – кричал Постум. – Что-то вы сегодня ленились, красотки!

Сам он был в пурпурной тоге и в красных высоких башмаках со шнуровкой.

Август ехал в курию, как будто спешил на спектакль с разведением.

Колесница свернула на Священную дорогу и понеслась к форуму. Четверка красавиц начала уже уставать. Их гладкие спины лоснились от пота. Наконец, тяжело дыша, девушки остановились у входа в курию. Вокруг императорской колесницы тут же собрались зеваки. Преторианец в красной тунике и сверкающем бронзовыми накладками броненагруднике приветствовал юного императора. Ни тени улыбки на загорелом лице, на плотно сжатых губах ни намека на усмешку.

– Гай, позаботься о моих лошадках, они этого заслуживают. – Август вручил преторианцу поводья и похлопал по влажной спине эбеновую красотку. – Лошадки обожают мар-

ципан и сладкие орешки. Надеюсь, ты не забыл?

В ответ преторианец вскинул руку в приветствии. Лицо, стиснутое нащечниками бронешлема, казалось бронзовой маской; и по-прежнему ни намека на улыбку.

Император небрежно пригладил ладонью короткие черные волосы и, насвистывая песенку новомодного галльского барда Веска, взбежал по ступеням Юлиевой курии. Двери в зал заседаний были распахнуты, и это означало, что заседание сегодня открытое – ничего важного обсуждаться не будет. Сенаторы уже совершили жертвоприношения и заняли места на мраморных скамьях. Постум Август небрежно поднял руку, приветствуя сенат, подошел к алтарю, бросил несколько зерен благовоний и уронил каплю-другую вина. Старики поднялись при его появлении. Он всегда называл их стариками: ему, девятнадцатилетнему, сенаторы казались безнадежно старыми, живыми мумиями, извлеченными из пирамид времени.

«Надо будет предложить паппусикам прокатиться на моей колеснице», – подумал Постум Август, и эта мысль показалась забавной.

Диктатор Бенит поднялся навстречу императору. Наряженный в пурпур, располневший, солидный, с наголо обритой головой, выглядел он величественно. Герой, ведущий непрерывные битвы. Интересно, за что он сейчас сражается? За урожай или за рождаемость? И, разумеется, при этом по-прежнему сражается с Нормой Галликан. Вот это сражение

никогда не кончится, даже со смертью одного из бойцов. Их бой бесконечен. И это не хорошо и не плохо. Это бой за исполнение желания, которое невозможно исполнить.

– Не забудь, Август, завтра у нас большой заплыв в Неаполитанском заливе, – шепотом сказал Бенит, наклоняясь к императору. Когда диктатор обращался к Постуму, голос его теплел – таким тоном отец мог говорить с любимым сыном.

Впрочем, со своим сыном диктатор говорил иначе. Уже давно...

Август поморщился: принимать участие в очередном Бенитовом спектакле ему не хотелось. На берегу залива куда приятней резвиться в обществе подружек, а не Бенита и его толстых и одышливых администраторов.

– Я с радостью, но было дурное предзнаменование.

– Какое? – озаботился Бенит. С некоторых пор он стал суеверным.

Постум едва не ляпнул, что видел сегодня утром трех летящих слева коршунов². Но вовремя вспомнил, что коршунов он использовал в прошлый раз, желая увильнуть от участия в массовой пахоте. Требовалось что-то новенькое.

– Я видел тебя во сне тонущим, – произнес император испуганным шепотом. – Огромная белая акула откусила тебе ногу. А ты знаешь, мне снятся пророческие сны.

Бенит нахмурился:

– Все ясно. Опять враги готовят на меня покушение. За-

² По поверьям римлян, коршуны слева – дурное предзнаменование.

пльв придется отменить.

Постум улыбнулся одной половиной рта – той, что не мог видеть Бенит.

Император уселся на свой украшенный слоновой костью и золотом курульный стул с пурпурной подушкой. Заседание сената началось. Постум опустил подборок на изящно выгнутую кисть руки. На безымянном пальце сверкнуло золотое кольцо с личной печатью. Сенатор Луций Галл готовился произнести заранее подготовленную речь, в меру гневную и в меру льстивую, но внезапно замер и уставился на императора. В эту минуту юный Постум показался ему необыкновенно схожим с Элием – не столько чертами лица, сколько позой – Элий тоже любил вот так сидеть, подперев подбородок. И так же как его отец, император носил один-единственный перстень с печатью. Лицо Постума было недвижимым, взгляд – отсутствующим, он казался выточенной из мрамора и раскрашенной статуей, установленной в курии по приказу Бенита. Ясно было, что выступления сенаторов Август не слушает – мысли его слишком далеко.

Внезапно он очнулся и обвел курию взглядом.

«Что-то нынче старички галдят громче обычного», – проворкотал Постум. В курии такой шум стоит только когда обсуждаются льготы сенаторов или их гонорары. Но сегодня на повестке дня работа императорской почты. Почему-то она стала работать хуже прежнего. Да о чем тут спорить?

– О чем тут спорить?! – подал голос Постум, перебивая

старика Луция Галла – он и в самом деле выглядел, как старик: запавшие щеки, морщинистый лоб, а под глазами такие мешки, что в каждый можно положить по здоровенному ореху. – Напоите каждого почтальона касторкой с бензином, и почта вмиг станет работать куда лучше, – и добавил после паузы: – А может, и не станет.

Луций Галл поперхнулся, а Бенит глянул на императора подозрительно. Но что диктатор может сделать с императором? Ровным счетом ничего. Только убить. Но Постум пока еще нужен Бениту, и потому император жив. Пока.

Сенат на заседания собирается только в освященном месте – либо в курии, либо в храме. Нехорошо. Да, да, плохо в освященном месте так раболепствовать. Лучше выбрать латрины местом заседания.

– Да, кстати, отцы-сенаторы, – продолжал Постум рассеянно, – место в шестой трибе, кажется, свободно?

Отцы-сенаторы переглянулись. Все (или почти все) помнили, что в шестой трибе был избран сенатором когда-то отец Постума Элий, а затем – диктатор Бенит.

– Именно так, сенатор Регул умер, – сообщил Луций Галл.
– О мертвых надо говорить либо хорошо, либо ничего. Поэтому не будем ничего говорить о сенаторе Регуле. Так вот, я хочу выдвинуть кандидатом в сенат от шестой трибы свою кобылку, – сказал Постум.

– Кобылку? – переспросил Авреол. – Но кобылку нельзя. Впрочем, возражал он весьма робко и при этом все время

поглядывал на Бенита.

– Почему? Калигула чуть не сделал любимого коня Быстроногого консулом. А я хочу ввести в сенат кобылку. Туллия – замечательная кобылка.

Сенаторы молчали. Авреол по-прежнему вопросительно поглядывал на Бенита, не зная, что отвечать императору, и ждал знака. Среди отцов-сенаторов росло смятение. Но Бенита забавляла их трусость, и диктатор лишь надувал щеки, подавляя смех: он-то давно понял суть розыгрыша и незаметно подмигнул Постуму. Паршивец скоро переплюнет своего учителя. Кто бы мог подумать, что сын Элия окажется таким прохвостом.

– Император не имеет права выдвигать кого бы то ни было в сенат, – наконец подал голос Луций Галл. – Если ты, Август, найдешь трех уважаемых человек, кто порекомендует твою лошадь в сенат...

– Это не лошадь! – повысил голос Постум, и взгляд его посуровел. – Как ты смеешь называть красавицу Туллию лошадью? Это – кобылка. Очаровательная грациозная кобылка двадцати трех лет.

Только теперь до сенаторов начало доходить, что речь идет о женщине. Кто-то хихикнул. Кто-то вздохнул с облегчением.

– Хотя вряд ли она согласится заседать в сенате, – задумчиво произнес Постум. – Ей здесь будет скучно. Она привыкла к более интеллектуальному обществу.

Бенит не выдержал и расхохотался. А Постум грустно вздернул брови, как будто он в самом деле огорчился из-за невозможности провести Туллию в сенат.

Секретарь, стараясь двигаться бесшумно, протянул императору бланк телеграммы. В любом другом месте важное донесение вручили бы Бениту. Но в курии надо соблюдать нормы приличия. Здесь все изображают, что император на самом деле стоит во главе Империи. В телеграмме было всего три строчки:

«Африка отказалась войти в состав Римской Империи на правах провинции. Пятый легион взят в плен практически в полном составе. Семнадцать человек погибло. Префект претория ранен и в плену. Раненых не менее тридцати человек. Третий легион отступил».

Постум отдал телеграмму секретарю и повел глазами в сторону Бенита. Стараясь казаться беспечным, Август внимательно наблюдал за лицом диктатора. Вот тот разворачивает сложенный вдвое листок, вот читает. Лицо Бенита перекосилось.

– Это все Альбион! – заорал диктатор в ярости, выпуклые глаза его налились кровью.

Луций Галл, выступавший в этот момент, застыл с раскрытым ртом, оборвав фразу на половине.

– Они высадили десант! Я утоплю в море их проклятый остров! Немедленно! Сейчас! Завтра!

– Неужели новая стратегия не удалась? – осведомился с

самым серьезным видом император. – А впрочем, сейчас поздно что-либо решать. Все решения принимаются до начала войны.

– Что? – не понял Бенит и растерялся, даже забыл про свой гнев.

– Пойду, проведу своих лошадок. – Август поднялся и направился к выходу.

Луций Галл задумался, глядя вслед императору. Да, Постум необыкновенно похож на Элия. Но только внешне. Характер другой. Элий и дня не смог бы вытерпеть Бенита. А Постум бесподобно льстит диктатору. Мерзавца воспитал себе на смену подлец. Луций Галл был уверен, что после смерти Бенита Постум без труда сохранит власть. Только это возвращение законного правителя не прибавит ни законности, ни свободы Риму. Какая великолепная пощечина Элию. Его самое страшное поражение в цепи других поражений. Ни предательство императора Руфина, ни гибель Нисибиса и плен, ни добровольное изгнание, ни возвращение на арену гладиатором-смертником не сравнятся с этим последним убийственным проигрышем.

Но кто знает, может, в политической игре стоит теперь взять сторону Постума? Ведь императору скоро исполнится двадцать. И Постум может оказаться очень и очень удачливым правителем... Он хитер... Он себе на уме. Так кто же? Постум или Бенит? Луций Галл раздумывал и никак не мог решить.

II

Утром во время завтрака Марк ничего не ел. Не мог. Выпил полчашки молока и отставил в сторону. Виновато посмотрел на мать.

– Меня тошнит, – признался он. – Можно, я не пойду сегодня на раскопки?

Норма Галликан несколько секунд не отвечала, глядя на отодвинутую чашку с молоком, потом перевела взгляд на Марка. Он был бледен. Невероятная восковая бледность. Кожа прозрачная, с синим узором вен; руки тонкие, как палочки. Пальцы с трудом могут удержать чашку, а сероватые ногти похожи на опавшие лепестки цветка. Слишком хорошо она знает эти симптомы. Бледность, слабость, головокружение, тошнота.

Если бы она дала присягу Бениту и теперь жила в Риме, то...

– Конечно, можешь остаться, – проговорила Норма, поднимаясь.

Окна триклиния выходили в сад. За яркой зеленью и цветами синела самая высокая вершина Крита – Ид. Маленький садик был гордостью изгнанников. Вдвоем в течение нескольких лет они лелеяли его изо дня в день. Постепенно вокруг их домика выросло маленькое чудо. Туи, подстриженные в виде фантастических зверей, затейливый бе-

ло-красный цветочный узор. Камешки на дорожке складывались в настоящее мозаичное панно. Чудо хрупкое, как отражение в воде. Каждый день надо что-то подправлять, иначе буйная неуправляемая жизнь нарушит строгий замысел. То немногое, что удавалось сэкономить, Норма тратила на саженцы и семена. Вдоль дороги высадили кипарисы – еще в те дни, когда ходили с активистами «зеленых» на холмы сажать кедровые и кипарисовые деревья, восстанавливая вырубленные леса.

Марк поднялся и, держась рукою за стену, вышел в сад.

Норма вынесла одеяло и подушки, устроила ложе поудобнее. Марк завернулся в одеяло с головой и затих. Норма стояла несколько мгновений, глядя на него.

– Может, не уходить? – спросила шепотом. Скорее не Марка – себя.

– Иди. Я немного посплю.

– Только забегу на раскопки, посмотрю, что там и как, и вернусь, – пообещала она. – Ты, в самом деле, поспи.

– Хорошо.

Она сделала шаг к калитке.

– Мама... – окликнул ее Марк из-под одеяла.

– Да, дорогой...

– Ты не писала больше Бениту?

– Нет.

– Клянись.

– Клянусь.

– Минервой.

– Клянусь Минервой.

– Теперь иди...

Когда Норма поняла, что Марк заболел, она потеряла голову. В отчаянии она написала письмо Бениту, обещая дать присягу, лишь бы Марку разрешили вернуться в Рим. Но Марк нашел то письмо и прочел...

«Как глупо, мама... разве ты не знаешь, что я не могу умереть?» – Он рассмеялся и порвал письмо.

Он взял с нее клятву, что она не будет больше писать Бениту. Она обещала... Но каждый день он заставлял ее клясться вновь и вновь. Письмо она написала почти шесть месяцев назад. Тогда еще можно было успеть...

Едва Норма Галликан ушла, как Марк сдернул с головы одеяло и сел. У него было очень важное дело. На его ладони лежала мертвая бабочка. Ее крылья, сложенные вместе, занимали почти всю ладонь. Несколько мгновений юноша разглядывал ее, потом наклонился идохнул, согревая. Выдох был так долог, что, казалось, Марк вновь уже не сможет вдохнуть. Крылья бабочки дрогнули, затрепетали... – миг – и она уже порхает среди цветов. Будто лоскут дорогого тирского пурпура, ярко-алого, без единого пятна, замелькал среди зелени. Марк с улыбкой следил за своим творением. Впрочем, следил не он один.

Два человека наблюдали за проделками Марка, стоя у невысокой ограды. Красавица-брюнетка и юноша с длинны-

ми светлыми волосами и едва начавшей пробиваться бородкой. На девушке было пестрое платье со шнуровкой по бокам, на юноше – длинная белая туника, перепоясанная широким кожаным ремнем, полосатые брюки и матерчатые сандалии. У обоих за плечами висели потертые кожаные мешки, похожие на солдатские. Оба походили на туристов, которые во все времена года бродят по Криту без присмотра, и власти, как ни стараются, ничего с этим поделаться не могут.

– Далековато ты забрался, Марк, – сказала девушка.

Юноша поднял голову и несколько мгновений смотрел на гостью.

– Здравствуй, Береника, – отвечал он. – В прежней жизни ты была хороша. Но сейчас ты ослепительна.

– Вот льстец, – улыбнулась Береника и вступила в сад. Говорить о ней «вошла» было неловко. – Ты дерьмово выглядишь, Марк. И садик у тебя паршивый.

– Я болен, – отозвался тот, ничуть не обидевшись на слова Береники.

– Чего же ты торчишь здесь? Ехал бы в Рим, – посоветовал юноша в белом. Он все время суетливо оглядывался – ему явно было не по себе.

– Если я в новой жизни поумнела, то Серторий точно поглупел, – усмехнулась Береника. – Кто ж выпустит сына Нормы Галликан с острова?

– Пусть даст клятву верности Бениту, – предложил Серторий легко, будто говорил о покупке хлеба или сандалий. – А

сам удерет в Лондиний и попросит политического убежища.

– А ты клялся? – спросил Марк. Он спросил об этом как бы между прочим, но Серторий вдруг сделался суетлив и нервен.

– Разумеется. Все слушатели академии присягают Бениту.

– Даже шлюхи в лупанариях присягают, – засмеялась Береника. – Тогда они не заражаются сифилисом. Говорят.

– Не хочу иметь ничего общего с Бенитом. Даже клятвы.

– Это глупость. Подумаешь – клятва. Я присягал ему трижды. Но в душе я его презираю, – принялся торопливо возражать Серторий. – И в любой день могу послать Бенита с его клятвой к Орку. К счастью, Юпитеру теперь плевать на клятвопреступления.

Береника уселась на ложе рядом с больным. Румянец на ее щеках так и горел, соперничая с нежным оттенком губ.

– Ты нам нужен, Марк. – Она положила руку на острое плечо больного. – Или ты забыл, ради чего мы вернулись в этот мир.

– Ради чего? – Марк улыбнулся. Губы у него были совершенно прозрачные.

– Мы должны отомстить, – напомнила Береника и нахмурила тонкие брови. Глаза ее из черных сделались черно-синими, и от этого холодного блеска у любого тут же зашлось бы сердце. Но Марк продолжал улыбаться.

– Ради мести не стоило возвращаться, – сказал он тихо.

– Мы должны были написать книгу, – сказал Серторий.

Но как будто между прочим. Будто только сейчас об этом вспомнил.

– Книга. Да, знаю, – кивнул Марк. – Я думал о книге. Но смотри, что теперь я могу. – Он вытащил из-под сандалии Береники раздавленного черного жучка. – Бедняжка. Не успел увернуться.

Он положил его на ладонь и стал дышать, бережно обволакивая теплом вытекающего из легких воздуха. И вдруг жучок дрыгнул лапками, раз, другой, перевернулся, сбегал с ладони спасителя и устремился в густую траву.

– А человека ты можешь оживить? – спросил Серторий, потрясенный.

– Нет, человека не могу. Было бы больше времени – смог бы. Научился бы. Но не успею. Но бабочек могу. И даже птиц. Но это не оживление, это другое. Я решил, пусть будут бабочки и птицы. Разве этого мало? Времени совсем не осталось. Вытекло время из... – Он не договорил, засмотрелся на пурпурную бабочку, что порхала меж цветов живым огоньком.

Береника вздохнула и покачала головой:

– Ты слишком сильно переменялся, Марк. Ты мало похож на прежнего.

– Ты тоже... мало похожа... я не о внешности.

Она поднялась.

– У тебя найдется, что выпить, а то во рту пересохло? – Он сделал попытку подняться, но она его остановила. – Нет-

нет, ты лежи. Мы сами все найдем.

– В холодильнике молоко и минеральная вода, – сказал Марк.

Гости бесцеремонно направились в дом. Сначала на кухню, потом вместо триклиния завернули в таблин Нормы Галликан. Береника быстро просмотрела бумаги на столе.

– Она тут не особенно-то стеснена, хотя и в изгнании, – заметила девушка и ухватила из чашки на окне горсть вишен.

– Да ты только погляди, кто ей пишет! – воскликнул Серторий, вытаскивая из-под вороха бумаг распечатанное письмо.

Береника взглянула на подпись и хищно улыбнулась.

– Я всегда говорила, что протест Нормы Галликан – сто-процентная фиговая лажа. Она изображает бунт, а на самом деле лишь выпендривается и готова лизать пятки властям.

– А Марк? – осторожно спросил Серторий.

– Что – Марк? Марк помирает. – Береника спрятала найденное письмо под тунику. – Нам придется искать другого соавтора – какого-нибудь гения, который зол на Гимпа. Думаю, такого не трудно найти.

– Попрощаемся? – спросил Серторий.

– Зачем? – передернула плечами Береника. – Он умрет и без нас. Теперь уже ничего не сделать. Не ждать же еще двадцать лет, когда он снова вернется, все позабыв, а наши тела истаскаются, как старые сандалии.

Они ушли. Марк слышал, как хлопнула дверь. И не уди-

вился. Он знал, что они уйдут не попрощавшись. Пурпурная бабочка подлетела к нему и села на указательный палец. Марк снова к ней наклонился и сновадохнул. Бабочка стала чуть больше. Совсем чуть-чуть.

– Лети, – шепнул. Но она не желала улетать.

Он сновадохнул. Еще и еще. Бабочка приподнялась на мгновение, чтобы вновь сесть к нему на руку.

– Чтобы жить, люди пьют дыхание умирающих. Тех, кого любили. Я отдал тебе всю душу. Неужели ты еще не насытилась, Психея? – спросил Марк.

И тогда бабочка улетела.

Ш

С некоторых пор в триклинии дворца Флавиев на Палатине собиралась весьма сомнительная публика. Здесь обедал император со своей компанией – в те дни, когда он не пьянствовал в таверне «Медведь». Из окон, отделенных друг от друга колоннами из красного гранита, открывался вид на нимфеи. По мраморным террасам вода каскадами бежала в мраморные бассейны. Уже стемнело, и в нимфеях зажглись огни. Вода отсвечивала то зеленым, то голубым, и листья лавровых роз сверкали в свете фонарей металлическим блеском.

Слуги подавали запечатанные особыми печатями бутылки со столетним фалерном. Смуглолицая Туллия пила чашу за

чашей и уже захмелела. Туника из желтого обтягивающего трикотажа подчеркивала кофейный оттенок кожи, на шею красавицы сверкало ожерелье из изумрудов в золотой оправе – подарок Августа. Постум в венке из черных роз – каждый день заказывал он в оранжерее розы и всегда непременно черные – возлежал на почетном месте. По правую руку от него сидела Хлоя, по левую возлежал поэт Кумий. Внешность его была весьма примечательная: седые всклокоченные волосы, красный нос картофелиной, трехдневная щетина на обвислых щеках. Трикотажная туника обтягивала весьма заметный животик. Кумий был пьян. Хлоя же, напротив, не пила вовсе – она наблюдала за остальными с печальной улыбкой и вертела в руках пустую серебряную чашу. Среди разбитной пьяной компании Хлоя всегда казалась чужой. Но Августу, похоже, это нравилось.

– Гений книги, – неустанно повторял Кумий, роняя фаршированные финики на драгоценный пол, выложенный узором из порфира и змеевика. – Август, ты хоть понимаешь, что это значит? Прежде у книг были гении, и потому книги повелевали людьми. А теперь гениев больше нет. Ни у книг, ни у картин, ни у скульптур. Все это лишь бумага, холст, мрамор. И только. Люди приходят в Храм Согласия ³, и что же они видят? Куски мрамора. Пусть в совершенстве повторя-

³ Храм Согласия на форуме являлся своего рода музеем. В нем часто проводились заседания сената. В храме находились статуи Аполлона и Юноны знаменитого скульптора Бетона.

ющие человеческие прекрасные тела. Но все равно – только камень. Искусство больше не касается душ. Связь утрачена. Выпьем за это пустое, никому не нужное искусство. Выпьем, Август.

– Выпьем, – отозвался Постум.

Чаши вновь наполнились и вновь опустели.

– В прежние времена, стоило напечатать книгу, и вместе с пахнущим типографской краской библионом новорожденный гений устремлялся завоевывать мир. Новый гений сталкивался с другими, начиналась драка. Ах, я понимаю, почему литераторы такой склочный народ. Их гении никогда не могли примириться друг с другом. А теперь мир пуст, и даже самые гениальные книги не могут его наполнить. Кино как искусство больше никого не интересует. Все ходят смотреть боевики Марка Чака с трюками и мордобоем.

– Обожаю Чака. Рассуждения стойков вызывают у меня зевоту, – заявила Туллия. – Возбуждает только траханье – кулака или фаллоса, остальное – развлекухи импотентов. Август, милашка, съездим в Лютецию к Чаку. Давно собирались.

– Ты сказал – гениальные? – переспросил Постум, не обращая внимания на слова Туллии.

– Да, гениальные. Но это ложный образ. Разве гений может жить в бумаге? Ему нужен небесный простор.

– Кумий, давай напишем книгу вместе! – воскликнула Туллия, протягивая поэту руку. – Будем соавторами. Я пишу

про Венерины удовольствия, а ты...

– И я про Венерины удовольствия, – отозвался Кумий.

Они потянулись друг к другу, перед лицом Августа губы их соединились.

– Что ты сейчас пишешь, Кумий? – спросила Хлоя. – Очередную поэму?

– Нет, так, понемногу. Обо всем. Прежде всего, о себе. Писатель пишет всегда о себе. Назвал «Аттические ночи» в подражание Авлу Геллию. Пишу, чтобы не стать скотиной. Потому что знаю: брошу писать и стану скотиной.

Постум вновь задумался, как утром, на заседании сената, лицо его сделалось мрачным, почти злым.

– О чем ты думаешь, Август? – спросил Туллия. – Сразу видно – о чем-нибудь плохом. Брось, Постум, пойдем в спальню и предадимся Венериным уладам. Один Венерин спазм перевесит все тягомотные рассуждения Цицерона и Сенеки.

– Жизнь – сплошная фекалия, – вздохнул Кумий.

– Я думаю о смерти, – сказал Постум. – Скоро день моего рождения. День, когда Бенит должен вернуть мне власть. Но я уверен, он меня прикончит.

– Не думай о грустном, мой мальчик, – вздохнул Кумий. – Я давно решил: плевать мне на всех. И на победителей в том числе.

– Если победитель захочет, он заставит пленника пройти под ярмом, – отвечал Постум. – Так что помянем меня, пока

я жив.

Сегодня у императора было особенно мрачное настроение. Это значит, что, напившись, он с Кротом и Гепомом отправится в нимфеи и они, пьяные, будут рубиться тупыми мечами, как рубились когда-то гладиаторы, исполняя желания – в те годы Кумий был так же молод, как император теперь.

Когда время перевалило далеко за полночь, и пирушка пошла к концу, Постума подняли на руки и понесли из триклиния, а девчонки, смеясь, пели поминальную песню: «Он прожил жизнь». Каждый день Постум устраивал себе такой вынос.

IV

Постум – император Рима, так его величают. И он – самый беспомощный человек на земле. Беспомощный в том смысле, что никто не может ему помочь.

Постум растянулся на ложе, держа в одной руке золотую чашу с вином, другой – обнимая темнокожую Туллию. Золотая Фортуна, стоящая подле изголовья императорского ложа, равнодушно взирала на любовную парочку. Постум так привык к золотой статуе, что считал ее родной.

В спальне императора всегда горел ночник – Постум боялся темноты. Интересно, кого больше всего на свете любит Фортуна? Многие ответят: Рим. Но это ответ неверный. Зо-

лотая девка влюбилась в Бенита. Она делает для него все, что тот ни пожелает. Когда наступит час, она подарит ему императорский пурпур. Выпей же за здоровье Бенита, Фортуна! И Постум плеснул из кубка в лицо золотой богине. Темная жидкость потекла по золотому подбородку, будто у Фортуны внезапно хлынула горлом кровь.

– Что ты делаешь?! – испуганно воскликнула Туллия. – Ты оскорбляешь богов!

– Отнюдь. Я угощаю Фортуну. Может, она станет милостивее ко мне.

Он отшвырнул кубок, обнял Туллию, прижал к себе. Он сжимал ее так, будто хотел задушить, и шептал на ухо сбивчиво и горячо:

– Я хочу жить... Если бы ты знала, Туллиола, как я хочу жить. – Он стал осыпать поцелуями ее шею, потом отстранился, зажав в ладонях ее лицо, и вновь зашептал: – Туллиола, мне же еще и двадцати нет... Почему я должен умереть?

– Не говори ерунды. Бенит тебя любит, – с трудом пролепетала Туллиола вытянутыми трубочкой губами.

– О да, Бенит меня любит! – засмеялся император. – Но все равно убьет. Какую гадость мне сделать напоследок, чтобы запомниться Риму, как запомнились Нерон или Элагабал?

Туллия попыталась ответить, но ладони императора ей мешали.

...Можно велеть привязать к деревьям десяток красавиц,

а самому, наряженному в шкуру, выскочить из зарослей, подобно Фавну, и насиловать их по очереди. Нет, это уже было. Рим ничем нельзя поразить, никакой низостью – все низости уже придуманы и воплощены.

– Что ты говоришь, Туллия? – Он наконец разжал ладони.

– Я тебя спасу.

Постум рассмеялся. Вот глупышка! Как беспомощная девчонка может спасти императора от Бенита?! Как? Многие хотели его спасти. Весталка Валерия, к примеру. И спасала – длинными занудными речами. Так спасала, что он стал прятаться от тетки в дальних покоях Палатина. А потом император нашел выход. Постум хитрый – хитрее Бенита. Чтобы не слушать поучения Валерии, он спровадил тетку в Альбион. К Марку Габинию. Теперь у них двое детей – сын и дочь. Погодки. Даже в самые трудные времена женщины рожают детей. Наверное, сегодня Валерия смогла бы найти совсем другие слова для своего племянника. Наверное...

– Что ты больше всего любишь, Август? – спросила Туллия.

– Играть в кости.

Он достал из-под подушки серебряный стаканчик с костями. Кубики из слоновой кости были старыми, с почти стертыми точками. Он бросил их, и выпали две шестерки.

– По-моему, тебе должно повезти, – прошептала Туллия.

Постум сгреб костяшки и сжал в кулаке так, что суставы побелели. Когда он бросал эти кости, ему всегда выпадали

только шестерки. Всегда и везде. Этот стаканчик и кости подарил ему когда-то Элий. Единственный подарок отца юному императору.

Глава II

Игры Постума против добродетели

«Только вероломное участие войск Альбиона не позволило Африке вновь стать неотъемлемой частью Империи. Содружество – это фикция. Лишь Империя может обеспечить Риму величие. Но Пятый легион очутился в плену. Да здравствует ВОЖДЬ!»

«Диктатор Бенит повелел, чтобы Пятый и Третий легионы сражались, как древние герои – вооружившись мечами.

Легат с воодушевлением процитировал Лукана:

«Силу имеет лишь меч, и народ, состоящий из храбрых,

Войны мечами ведет...»⁴

Но всем известно пунийское вероломство. Африканцы бросили против наших доблестных воинов прибывшие из Альбиона когорты и артиллерию».

«Акта диурна», канун Нон апреля⁵

⁴ Марк Анней Лукан. «Фарсалия». Пер. Л. Остроумова.

⁵ 4 апреля.

I

Корву и Муцию выпало тащить статую самого Бенита во время праздничного шествия. Неудачный жребий, неподъемный в прямом смысле слова: старинные статуи были составными, мраморные головы легко отделялись от торса и в процессии участвовали одни эти головы. А бюст Бенита угодливый скульптор изваял из цельного куска мрамора. И его во время процессии надлежало тащить на носилках с форума, где его недавно установили, на Марсово поле. Муций попытался махнуть со счастливыми, которым досталась голова Сципиона Африканского. И хотя нести ее надо было с Капитолия из храма самого Юпитера Всеблагого и Величайшего, все же Муций готов был совершить эту прогулку, лишь бы избавиться от мраморного Бенита. Но счастливы не пожелали уступить Муцию Сципиона.

Пришлось Корву и Муцию тащить черномордого Бенита. Несли недолго. Муций споткнулся. А Корв даже не пытался удержать носилки. Бюст Бенита грохнулся о мостовую и разлетелся на куски.

– Теперь нас повесят, – сказал Корв и рассмеялся.

Два исполнителя тут же вывели братьев из процессии.

II

В таверну «Медведь» Постума сопровождал лишь один человек – здоровяк, выше его на целую голову, широкоплечий телохранитель Крот. Как его настоящее имя и почему парня прозвали Кротом, никто в окружении Августа не знал. Да и не интересовался, потому что у любого, кто глядел на мрачную физиономию Крота, разом пропадала охота задавать вопросы. Крот числился личным телохранителем императора и всюду сопровождал Постума.

Таверна за последние годы сильно изменилась – на стенах появились аляповатые плакаты, под потолком висело набитое опилками чучело неведомой твари, зарубленной преторианцами на Пренестинской дороге. Чья фантазия могла вообразить это огромное раздутое черно-зеленое туловище с ржаво-рыжим брюхом, полсотни разнокалиберных ног с бледными полупрозрачными щупальцами, каждое с острым коготком, и маленькую голову, чем-то похожую на собачью – один глаз черный, огромный, другой – голубой, маленький с вертикальной прорезью зрачка. Глаза, разумеется, вставили стеклянные, и никому уже не известно, какие глаза были у живого гения-мутанта. Возможно, чучельники, большие затейники в подобных делах, специально придали монстру одновременно и жуткий, и забавный облик.

– Привет, гений! – крикнул Постум чучелу. – Как видишь,

быть бессмертным – занятие невеселое. Знаешь, приятель, я бы ни за что не поменялся с тобой местами.

Четыре «лошадки», поджидавшие Августа за столом, уже выпили по бокалу-другому вина, захмелели и все время хихикали. Ах, нет, Хлоя, как всегда, не пила, и лишь изображала легкий хмель.

– Какое милое ржание! – воскликнул Постум. – Сразу видно, что кобылки застоялись в конюшне.

Девицы закричали еще громче и захлопали в ладоши. Сейчас они принарядились, то есть на каждой было по несколько кусочков ткани: на смуглой Туллии – ярко-красная с голубыми вставками туника, а на трех белотелых красавицах – лоскутки белого, голубого и ослепительно-оранжевого. Четверку роскошных тел опекал невысокий юноша с наглыми бесцветными глазами и лягушачьим ртом, растянутым в постоянной улыбке. Парень был подвижен, как мартышка, и непрерывно сыпал словами. На вид он казался ровесником Постума, но в черных его кудрях мелькали серебряные нити.

– Август! – воскликнул паренек, целуя девушек в шею и плечи. – Подари мне эту прекрасную квадригу, и я стану самым счастливым человеком в Империи.

– И как отблагодаришь меня, Гепом?

– Предоставлю тебе убежище на своей помойке.

– Нет, эти красотки не для тебя, – рассмеялся Постум. – А помойка в качестве убежища пригодится тебе самому. Я

поищу что-нибудь менее привлекательное.

Красотки с визгом и смехом тут же кинулись на шею своему благодетелю.

Визжа и целуясь, они не заметили, что дверь распахнулась, и в таверну ввалился Кумий в короткой трикотажной тунике. Кроме туники на поэте были брючки в обтяжку и сапожки из мягкой кожи с накладными пряжками – мода последних лет. Сапожки эти назывались монгольскими, их обычно носила молодежь.

– Постум! Дружище! – завопил поэт. – Говорят, сегодня ты отправляешься в лупанарий? Почему ты забыл пригласить старину Кумия? Как ты мог? Кто кроме меня может дать тебе бесценные консультации в столь важном деле?!

– Зачем же мне звать тебя с собою, Кумий? Я думал, что ты сидишь там с утра. Не в одном лупанарии, так в другом, – и когда-нибудь в своем путешествии мы до тебя доберемся.

– Я сижу в лупанарии? – Кумий возмущенно вытаращил глаза. – О нет! Я сижу на своем чердаке под самой крышей, в раскаленной и душной комнатенке, где воняет кислым супом, и вымучиваю из себя стихи. Да, я выдавливаю их, как фекалии в латринах, а они не лезут, хоть ты режь меня, хоть жги. И ни одна клизма тут не поможет.

– Бедняга Кумий! – воскликнул Постум с притворным сочувствием. – А не принять ли тебе немного касторки с бензином. Говорят, это мгновенно вызывает не только настоящий, но и словесный понос!

Кумий побледнел. Уставился на Постума мутноватыми водянистыми глазами и медленно повел перед носом императора пальцем из стороны в сторону.

– А вот этого не надо. Вот это было. И это не надо. И нехорошо.

Постум кашлянул, на мгновение смутился, глянул искоса на девиц, потом на молчаливого Крота, и наконец бросил небрежно:

– Ну что ж, придумаем для тебя другое меню.

И щелкнул пальцами. Тут же подлетел хозяин и поставил перед Кумием полный до краев бокал вина. Поэт сделал глоток и одобрительно причмокнул.

– Скажу честно, – пробормотал Кумий. – Я кучу ошибок совершил в своей долгой жизни. И за все я уже заплатил. Да, за все, кроме одной. Но, тсс, об этом ни слова. Ты понял? – Он подмигнул чучелу гения, висящему под потолком. – А не то старина Кумий повиснет рядом с этой несчастной тварью, и его брюхо вместо жареной колбасы, телятины и сыра набьют опилками.

– Хватит стонать, Кумий! – прервал его Постум. – Кажется, мы собирались сегодня вечером на ужин к сенатору Авреолу.

– Нас всех позвали? – удивился Кумий. – И меня?

– Нет. Мы явимся незванными. И в этом вся прелесть. Говорят, у него молоденькая смазливая женушка, можешь за ней приударить – я разрешаю.

– Обожаю смазливых молодых жен. Они такие забавницы! – хмыкнул Кумий.

Постум и его компания уже спешно допивали вино и поднимались из-за стола, когда дверь в таверну распахнулась вновь, и вошли двое. Несколько секунд новые гости стояли на пороге, не решаясь войти, будто сомневались – не заблудились ли. Наконец один из них, тот, что пониже ростом и помоложе, кивнул. Оба гостя вошли и заняли свободный столик. Император нахмурился. Весь Рим знал, что каждое вечерне в «Медведе» веселится Август со своей компанией. Заглядывать сюда решались либо красивые девки в надежде приглянуться императору или его друзьям, или отчаянные молодые парни, почему-то уверенные, что Август примет их в свой узкий кружок и сделает соучастником мерзких попок и осыплет к тому же золотом или назначит на высокие должности. И тех, и других Крот вышвыривал через пару минут за дверь – Август терпеть не мог пришлых. Лишь гладиаторам да возникшим разрешалось участие в здешних попойках. А гости по-прежнему появлялись с завидной регулярностью. Но эти двое не походили на юных искателей приключений. Младшему было уже за сорок, старшему и вовсе под пятьдесят. Оба они были в прошлом то ли легионерами, то ли гладиаторами – шрамы говорили сами за себя. Щеку младшего уродовал глубокий шрам, у старшего руки пестрели отметинами. Старший был совершенно сед, у младшего черные волосы, чуть тронутые сединой, вихрами торчали во все

стороны. Лицо старшего, бледное от природы, едва тронутое желтоватым северным загаром, с резкими складками вокруг носа, казалось смутно знакомым. Он был в белой льняной тунике без рукавов, но шею замотал синим шелковым платком, видимо, по иноземной моде.

Компания Августа примолкла, глядя на странных гостей. Вид у этих двоих был какой-то не подходящий для веселья, кутежа и глумления, – и никто не знал, как с ними поступить. Так что Августу пришлось нарушить молчание первым.

– Эй, ребята, вы, часом, не ошиблись дверью?

Значит, будет потеха! Гепом радостно потер руки, предвкушая. Но тут же вновь притих, сделался серьезен и даже грустен.

– Мы хотим поужинать, – сказал седовласый – у него был правильный выговор, но он как-то уж очень старательно произносил слова. Голос был металлический, как будто искусственный.

Когда-то Постум уже слышал такой голос. Когда-то...

– Поужинать, здесь? – хохотнул Гепом. – Сразу видно, что вы, гости дорогие, прибыли издалека.

– Издалека, – согласился седой. – Но разве это что-то меняет, если мы платим за ужин?

– Тут особая плата, – нахмурился юный император. – Там у входа прибита бронзовая доска, и на ней надпись. Ты прочел?

Седовласый отрицательно покачал головой.

– Коли не прочел – так прочти, – приказал Август, против обыкновения злясь.

И его гнев был отнюдь не напускной. Гепом с удивлением глянул на повелителя – прежде Постум развлекался без злости, заставляя людей подыгрывать себе. Сейчас же было видно, что он едва сдерживается. Гений помойки не мог понять причину его раздражения. Ну, зашли два старикана на огонек. Старики вообще мало понимают в современной жизни. Надо выпроводить их, чтоб не мешали, и продолжать веселиться. А глумиться над стариками – последнее дело. Но, видимо, Август считал иначе.

Вместо седовласого к двери подошел его приятель и прочел надпись на доске.

Надпись гласила: «Тот, кто пожелает отобедать в «Медведе» и кому Август это позволит, станет добровольным рабом императора сроком на один месяц. Рабом в полном смысле этого слова. За неповиновение Август может высечь, может заковать в железо или подвергнуть каким-либо другим телесным наказаниям. Может заставить таскать носилки или бегать с факелом перед его колесницей. Может все. Как с рабом».

– Сказано, по-моему, ясно, – сказал Постум. – Так что, пока вы оба не передумали, проваливайте отсюда, – он сделал паузу и добавил очень тихо. – Я прошу вас уйти.

Император просит! Занятно. Не ко многим он обращался с подобными словами. Но эти двое были на редкость упрямы.

– Мы не уйдем, – сказал седой. – Отужинаем здесь. И если тебе так нужны рабы, Август, мы станем *твоими* рабами.

Он говорил об этом без вызова, так, как будто речь шла о найме на работу. Его странный металлический голос придавал еще больше равнодушия словам.

– Да не нужны мне рабы! – закричал Постум, уже не пытаясь совладать со своим гневом. – К тому же такие старые. Что мне с вами делать? Вы даже и носилки мои не поднимете. Так что убирайтесь, и поскорее! Вы мне надоели!

Но седой не сдвинулся с места, а его напарник вернулся к столу и сел рядом со своим товарищем.

– Выкинуть их отсюда, Август? – предложил Крот.

– Выкинь, – кивнул Постум, – только не калечь.

Крот понимающе хмыкнул и шагнул к странной парочке. Он уже подался вперед, чтобы ухватить седовласого за ворот туники, но почему-то не успел – вместо этого Крот дрыгнул в воздухе ногами и грохнулся об пол. Черноволосый уселся на него сверху, выламывая руку. Крот хрипел, пытаясь вернуться, но у него ничего не получалось.

Постум вскочил.

– Бабий! – крикнул он хозяину таверны. – Поставь этим парням по бокалу вина, пусть пьют и после этого они – мои рабы, раз уж так этого хотят. И отпусти моего человека, – обратился Август к незнакомцу.

Черноволосый выпустил свою жертву и отступил. При этом он весь собрался в комок, готовый вновь отразить на-

падение. А его старший товарищ даже не двинулся с места. Крот вскочил и хотел продолжить потасовку, но Постум прикрикнул на телохранителя, и тот отступил, недовольно ворча, как ворчит побитый пес.

Оба странных гостя выпили молча по чаше разбавленного вина.

– А теперь все отправляемся в гости Авреолу! – крикнул Постум. – И вы двое – тоже. Девочки остаются.

– Так несправедливо! – завопили «кобылки». – Как же без нас!

– У сенатора собирается мужская компания. Встретимся в алеаториуме, – Постум первым вышел из таверны. Разношерстная свита последовала за Августом. Двое новичков шли последними.

– Глянь-ка, этот тип еще и хромает! – воскликнул Кумий, кивая на седого. – Носильщик-то из него впрямь никудышный.

Постум сделал вид, что не слышал возгласа поэта.

– Как мне вас звать, ребята? – спросил император своих «рабов». – У вас есть имена? А впрочем, не надо отвечать. Я придумаю вам обоим клички, как и положено рабам. Ты будешь Меченый, – нарек Постум человека со шрамом. – А ты... – он на мгновение задумался, глядя на седого. – Тебя можно было бы называть Хромой. Или безногий. – При этих словах седовласый передернулся. – Но это слишком грубо. А я воспитан поэтом и терпеть не могу грубости. Пожалуй,

я буду звать тебя Философом. Ты похож на философа – хочешь неведомо чего и наверняка большой зануда. Садись подле меня, – Постум хлопнул ладонью по обитому пурпуром сиденью авто. – Спорим, прежде тебе не доводилось сидеть на пурпуре. По дороге ты мне процитируешь что-нибудь душеспасительное, чтобы мы могли посмеяться.

Философ уселся рядом с императором. Его спутник занял место на переднем сиденье «триремы». Открытое авто Августа медленно покатило по улице.

Ш

Авреол только-только приступил к жаркому, когда шумная компания ввалилась к нему в триклиний. Постум впереди, за ним – его всегдашние товарищи по пьянкам и дебошам: Крот, Гепом и Кумий. А позади еще двое – почти что старики, один ровесник Авреола, другой постарше. Но Авреол рядом с ними выглядел упитанным и моложавым. Бывший гладиатор растолстел, и в этой приятной сдобной полноте сделался незаметным его главный недостаток – слишком длинная шея, за которую на арене ему дали прозвище «Цыпа». Розовый, как поросенок, в нарядной трикотажной тунике Авреол возлежал рядом с молодой блондинкой. Матрона – точь-в-точь спелый ароматный фруктик – так и хотелось куснуть за румяную щечку. Только глаза у нее были маленькие, светло-серые, как у откормленной свинки. Придать

взгляду выразительность не смогли даже наклеенные ресницы.

Авреол при виде императора спешно вскочил и буквально столкнул на пол своего гостя-толстяка, возлежащего на консульском месте ⁶. Расторопный слуга надел на голову Августу венок из свежих роз.

– Август... Какая честь, – бормотал Авреол, готовый кланяться до земли, хотя проскинеза не вошла в моду даже при Бените.

– Смени матрас и подушки – терпеть не могу лежать на нагретом чужой задницей месте, – оборвал его излишняя император.

Авреол лично кинулся со всех ног выполнять приказ, и вскоре вернулся, волоча покрывала и подушки.

– Благодарю, гладиатор. Ах, нет, я ошибся – сенатор Авреол. Но это ведь одно и то же.

– Как посмотреть.

– Да как ни смотри, все равно увидишь кровь и фекалии. Или фекалии и кровь – меняется лишь последовательность. Кстати, ты не собираешься вернуться на арену? Там теперь убивают. В прошлый раз меня чуть не стошнило, когда я смотрел поединки. Но при этом, заметь, многие в гладиаторы идут добровольно. Каждый надеется, что убьют соседа, а он останется жив. Но почему-то так не получается. Убивают всех. Это закон арены.

⁶ Первое место за вторым столом считалось самым почетным.

– Ну что ты, Август, как можно! – изумился вполне искренне Авреол, лично наполняя кубок нежданного, но высокого гостя. – На арене теперь дерутся лишь те, кто оскорбил Величие императора или Вождя Империи.

– Ты неправильно... – поморщился Постум и не договорил.

– Что неправильно? – не понял Авреол и оглядел своих новых гостей, нагло потеснивших прежних. Лишь два немолдых спутника Августа остались сидеть у стены на принесенных слугами стульях и не принимали участие ни в пиршестве, ни в беседе. Казалось, Авреол ждал подсказки – вдруг кто-нибудь шепнет ему, как надо ответить. Но никто не желал подсказать.

– Ты неправильно выговариваешь слово «вождь», – наконец соизволил разъяснить свои слова Август. – «Вождь» надо произносить большими литерами, а ты сказал его маленькими. Это преступление, за которое отправляют на арену выпускать друг из друга кишки после того, как напоят касторкой с бензином. Обрати внимание, как все продумано: в этом случае кишечник совершенно пуст.

– Как можно произнести слово большими буквами? – дрожащим голосом спросил сенатор Авреол.

– Неужели ты, сиятельный, не знаешь таких простых вещей? – удивленно приподнял брови Постум. – Как же тебя избрали в сенат?

Авреол открыл рот, чтобы хоть что-нибудь сказать, но на

ум ничего не приходило. Он умоляюще смотрел на императора, будто взглядом сообщал: «Я предан, я могу большими буквами, если ты подсказешь – как. Сам-то я не знаю». Но Август лишь улыбался и не собирался подсказывать. Только в эту минуту Авреол заметил, как Постум похож на Элия. Того молодого Элия, гладиатора, исполнителя желания. У императора такие же черные прямые волосы, узкие серые глаза, высокий лоб. Только юноша нагл, дерзок, бесстыден – то есть таков, каким никогда не был Элий. Авреол понял, что боится юного Августа, как никогда не боялся своего собрата по гладиаторской центурии.

– Значит, ты не знаешь, – засмеялся Постум. – Так ты спроси у префекта претория Блеза. Ах, я забыл – мерзавец Блез в плену. Пошел расширять Империю, а она не пожелала расширяться, хоть ты тресни. Не угадал момент, бедняга. Ведь это так важно, чтобы твой слабый личный порыв совпал с устремлением Фортуны. Кайрос, – одним словом. «А знать свой час – превыше всего», – говаривал старина Пиндар. И никуда нам от этого не деться. Ну, раз Блез нет рядом, спроси у Луция Галла. Или у Аспера – они мигом тебя просветят.

– Я спрошу, – проворковала Авреолова жена, изображая истинную супружескую преданность. – И мы будем произносить большими буквами не только слово «вождь» но и твое имя, Август!

– Как! Вы произносите мое имя маленькими буквами? – с

деланным изумлением воскликнул Постум. – Да как вы смеете?!

– Хорошо, что среди нас нет доносчиков, – поддакнул Гепом. – А то, Цыпа, пришлось бы тебе вернуться на арену за оскорбление Величия императора. Кстати, ты уверен, что слуги твои надежны?

Авреол пытался что-то бормотать в свое оправдание, но слышалось лишь невнятное бульканье. Жена его, обезумев от страха, кинулась целовать Постуму колени.

– Нет, нет, так низко не надо. Можно немного повыше.

Она уж готова была выполнить его указание, но тут Кумий ухватил матрону за локоть, привлек к себе и жадно прильнул к губам. Авреол не пытался протестовать даже тогда, когда Кумий устроил его супругу на ложе подле себя. Молоденькая женщина визгливо хохотала, когда Кумий шептал ей сальности на ушко, и жеманно бормотала: «Это уж слишком», – если поэт нахально задирает ей тунику.

– Так что у нас сегодня на обед? – поинтересовался тем временем Август. – Гусь, поросенок, фазан? Нет, так не пойдет. В подобной трапезе нет изысканности. Надо сочетать достижения нашей непревзойденной словесности с достижениями еще более непревзойденной кулинарии. На столе должны быть блюда, чьи названия начинаются с одной и той же буквы, например – поросенок, поска⁷, перец. А так же мо-

⁷ Поска – напиток из воды, уксуса (кислого вина) и яиц. Напиток легионеров в Древнем Риме. На стол сенаторам его, разумеется, не подавали.

жешь подать пеликана, если найдешь.

– Я сейчас... немедленно, – пролепетал Авреол, схватил блюдо с гусем и шагнул к двери, будто собирался в самом деле приготавливать поску или отправиться искать пеликана.

– Не дергайся, Авреол! – успокоил его Кумий. – И не смей убирать этого великолепного гуся. Поставь блюдо на место! Просто наш Август хочет прослыть причудником, как Антонин Гета, прося кушанья, начинающиеся с одной буквы. Или ты не знаешь истории Рима, сенатор Авреол?

– Наш Август большой забавник, – пролепетал бывший гладиатор, все еще держа блюдо с гусем в руках. – Он во всем хочет походить на Антонина Гету.

– Во всем? – изумился Кумий. – Ты, кажется, забыл, что Гету прикончил Каракалла, чтобы брат не мешал ему властвовать. Ты в самом деле захотел на арену, если делаешь подобные намеки.

Авреол побледнел и уронил блюдо на пол. Молоденькая женошка Авреола испуганно вскрикнула. Она ничего не понимала в том, что творится, и то пугалась, то начинала веселиться – всегда не к месту.

– Я же сказал: не трогай гуся! – с тоской воскликнул Кумий. – Такой жирный гусь...

– Да, обед не удался, – вздохнул император, поднимаясь. – Отправимся-ка мы в алеаториум. Авреол, не хочешь пойти с нами?

– Я, честно говоря, не играю, – признался Авреол.

– Разве можно жить и не играть? – нахмурил свои черные, будто нарисованные брови Постум. – Не играть, если играет твой император?

– Нет, ты не понял, Август! Я пойду. Непременно.

– Я так и знал, что ты собирался сегодня в алеаториум. И не забудь прихватить с собой десять тысяч сестерциев.

– Десять тысяч... – У Авреола пропал голос, и сенатор засипел. – Десять тысяч?

Он суетливо огляделся, будто отыскивал место, где можно взять эти десять тысяч.

– А почему бы и нет? – удивился Август. – Разве, будучи сенатором, ты не украл в десять раз больше? Неужели сноровки не хватило?

Император поднялся с ложа, напялил свой веноч на хорошенькую головку хозяйки и взасос поцеловал ее в губы. Кумий на прощание хлопнул красотку по округлой попке.

Седой направился к выходу одновременно с Августом и в дверях сказал юноше тихо:

– Ты обращаешься с людьми недопустимо.

Но следовавший за ними Кумий расслышал упрек.

– Почему это недопустимо? – тут же запротестовал поэт. – Разве он кого-то ударил или посадил в карцер или пригрозил посадить? Если Авреолу нравится лизать властительную задницу, пусть лижет, этого никто ему не может запретить. Или тебе нравится Авреол?

– Мне он не нравится. Но унижать людей нельзя. Ни се-

натора Авреола, ни его жену. Никого.

– Я ее оскорблял? – изумился Кумий. – Я был сама галантность. Еще немного, и я бы ее трахнул, так она того хотела.

– Женщины к нему так и льнут, сам не знаю почему, – подтвердил Гепом.

– Человека легко низвести до положения скотины. В сто раз труднее вернуть ему утраченную гордость.

– О боги, – вздохнул Постум. – Философ, сразу видно, что ты прибыл издалека. Разве ты не знаешь знаменитую историю с «Декларацией прав человека»? Когда Кумий умирал от поноса в карцере, ему в камеру кинули ворох «Деклараций», чтобы он подтирался ими. У него был выбор: обосрать декларацию или свои штаны.

– Разве это сколько-нибудь умаляет декларацию? Это только умаляет исполнителей, Август.

– Ненавижу идеалистов, – прошептал Постум. – И знаешь за что? За то, что они обожают свои идиотские идеи куда больше, чем людей, которые страдают от бредовых теорий. Ты ведь любишь всякие дурацкие теории, которые сам и выдумываешь?

– А кого любишь ты, император?

– Я всех ненавижу, – последовал мгновенный ответ.

С разбегу Постум запрыгнул на сиденье «триремы». Фонарь светил ему в спину, и лицо императора оказалось в тени. Так что было не видно, как он то скалится, то кусает до крови губы.

Глава III

Игры Постума против Александра

«Замечательный сын подрастает у нашего ВОЖДЯ. Юный Пизон Александр мечтает стать военным и прославить себя на полях сражений. Но пока он изучает науки и весьма в этом преуспел. Да здравствует ВОЖДЬ!»

«Вчера начались Мегализийские игры. Когда-то гладиатор Юний Вер, дважды выигравший Аполлоновы игры и трижды Римские игры, так и не смог стать победителем Мегализий. Но кто теперь помнит это имя?»

«Вышел новый библион Неофрона «Пустыня 32». Книга высоко оценена диктатором Бенитом». «Акта диурна», Канун Нон июля⁸

I

Весело и непринужденно вела себя публика в просторных залах игорного дома. Безумие почти ощутимое, материальное; лица, отсвечивающие голубизною; запах табака и дорогих вин; слепящий свет и ослепленные азартом глаза; дрожащие руки; возгласы отчаяния, почти театральные; и уж во-

⁸ 5 апреля.

все театральный, ненастоящий смех. Здесь ничему никогда не удивляются. Сюда можно войти в роскошных нарядах, а выйти нагишом. Здесь проигрывают, выигрывают, уединяются в крытой галерее для Венериных забав, но никогда не влюбляются. Здесь можно все потерять, но нельзя ничего достигнуть. Наполненность и пустота соединяются в ошеломляющую пьянящую смесь. Как ночь лишь кажется непроницаемой из-за своей черноты, так этот дом мнит себя всемогущим дарителем счастья, но вместе с рассветом каждый может убедиться в обмане, покидая душные прокуренные залы; и неважно, выиграл он или проиграл.

Август появился в алеаториуме как желанный гость. Он махнул рукой, никого особенно не отличая. Его приветствовали так же непринужденно. Две девушки в сверкающих туниках тут же подбежали к императору – одна блондинка с нежным румянцем, другая стройная эбеновая кошечка в серебристом полупрозрачном наряде. Философ с трудом узнал в этой парочке двух «кобылок», которых Август оставил безутешными в «Медведе». Две другие, видимо, императора не дождались.

– Я выиграла сто сестерциев, – промурлыкала эбеновая красавица. – Могу заказать за свой счет бокал фалерна для тебя.

Август подтолкнул к столу смущенного Авреола. За чем-то сенатор, отправляясь в алеаториум, надел тогу с пурпурной полосой. Ему было жарко, и он постоянно стирал пот

со лба.

– Наш друг будет играть! – громко возвестил Август. – Давай, сиятельный! Я на тебя надеюсь! Если выиграешь, угостишь фалерном.

Авреол покорно занял место за столом, не смея возразить. Он уже смирился с потерей десяти тысяч. Постум встал рядом, готовясь насладиться потехой. Но ему помешали. Полноватый молодой человек с темными, близко посаженными глазами и пухлыми розовыми губами протиснулся к нему и дернул за тунуку. Молодой человек пребывал здесь давно – на тунике меж лопаток проступила темная полоса, да и волосы на лбу взмокли и слиплись.

– Меня не пускают играть. Август, они не пускают меня! – одновременно жалобно и зло прошептал юноша, оглядываясь. Перед Августом он явно заискивал, но в то же время старался держаться дерзко.

– А, это ты Александр... – Постум произнес это имя громко и не поставил голосом точку. Будто хотел добавить еще какой-то титул, но в последнюю секунду вспомнил, что у юноши нет титула, и умолк.

– Я хочу играть! – заявил юноша, капризно выпячивая полную нижнюю губу.

Он был лишь на полтора года младше Постума, но выглядел рядом с императором беспомощным ребенком.

– Так играй!

– Меня не пускают!

Август улыбнулся краешком рта, но тут же подавил улыбку, лицо его приняло напускное серьезное выражение. Но Александр ничего не заметил. Он вообще ничего не замечал – его интересовали только деньги и зеленое сукно стола, на котором мерещилось недостижимое состояние. Плечи его нервно дергались, руки дрожали.

– Ты сильно задолжал? – с озабоченным видом спросил Постум, хотя и так знал, что мальчишка должен всем многому, в том числе и ему. Кажется, Александр задолжал всему Риму.

– Если играешь – всегда так.

– Так плати.

– Не могу!

– А я ничем не могу помочь. Все платят по долговым обязательствам. Нищие, бедняки, солдаты и сенаторы в Календы несут свои денежки ростовщикам. Даже я плачу. И Бенит платит. Сам посуди, что станет с Римом, если мы перестанем отдавать друг другу долги? Рим погибнет. Ты можешь нюхать кокаин, пить беспробудно, трахать по десять красоток в день, но при этом платить по счетам. Это главный закон Рима.

– Говори со мной нормально... нормально говори! – повысил голос Александр, наконец расслышав издевку в словах Августа.

– Разве я как-то не так говорю?

– Постум, тысячу сестерциев, – взмолился юноша и со-

гнулся, будто хотел поцеловать императору руку.

– У меня нет. – Август намеренно заложил руки за спину. – Видишь, я и сам не играю. А так хочется. К тому же, кажется, ты мне должен пятьдесят тысяч.

– Нет, ну ты нормально со мной говори... Так нельзя! Говори нормально... – Александр чуть не плакал. – Я отдам.

– Нету, нету, ничего нету, – сокрушенно покачал головой Август, не забывая при этом наблюдать за игрой Авреола.

Тот уже проигрывал шестую тысячу. Развлечение оказалось куда более скоротечным, чем предполагал император.

– Что же мне делать? – пробормотал Александр.

– Продай что-нибудь. Разве тебе нечего продать? Хотя бы бюст Бенита. Подойди к Авреолу и скажи: «Слышал, ты хочешь купить бюст ВОЖДЯ. Изволь, я привезу тебе мраморную голову завтра». Только скажи это громко. Сенатор Авреол непременно купит.

– Но мне нужны деньги сейчас! – не унимался Александр. Он то плакал, то смеялся, совершенно собой не владея. – Сейчас!

– Ну, так потребуй деньги вперед. За ВОЖДЯ надо платить вперед. И ВОЖДЮ надо платить вперед. Надеюсь, ты умеешь произносить слово «ВОЖДЬ» большим буквами?

– Благодарю, Август! Благодарю! – на щеках Александра выступили красные пятна. – Ты возвращаешь мне жизнь.

Он жадно облизнул губы, наклонил голову, готовясь к атаке, и направился к сенатору. Жалкий хищник, воспрянув-

ший при виде легкой добычи. Александр подкрался сзади к Авреолу и заорал:

– Завтра бюст ВОЖДЯ твой. А сейчас тысячу немедленно! Мне! – Авреол так испугался, что уронил тессеры на пол.

– Тысячу немедленно. И бюст, самый лучший бюст Бенита – твой. Или ты отказываешься покупать бюст ВОЖДЯ?

– Да... то есть нет... – лепетал Авреол.

Дрожащими руками он протянул Александру деньги. Тот схватил пачку и помчался покупать тессеры. Тысячи ему хватило ровно на пять минут.

– Кто этот юноша? – спросил Философ у своего друга Меченого.

– Сын Бенита и Сервилии. Так что Постум приходится Александру племянником. Представляешь, как забавно?

Философ покачал головой и отвернулся. Тут он заметил стоящего у выхода на галерею человека с длинными черными волосами и черной бородкой. И длинные волосы, и борода делали его похожим на прорицателя. Сходство усиливала черная повязка на глазах. Ткань была не особенно плотной. Потому являлось подозрение, что человек следит за посетителями сквозь темную ткань. Одежда его тоже была примечательна: густо затканная золотом туника, поверх – белая тога.

– Неужели? – прошептал Философ, чувствуя, как неприятный холодок пробегает меж лопатками. Гимп, бывший генерал Империи. Он получил, что хотел – Бенит заплатил ему

за службу. Что ж, теперь он может укрыться за своей слепотой, как за стеной – это так удобно.

Впрочем, Гимпа разглядывал не только Философ. Высокая девушка в черном обтягивающем платье стояла возле стола с напитками и время от времени поглядывала на Гимпа. Она привлекала внимание многих мужских глаз – цветом кожи, похожим на благородную слоновую кость, каскадом черных вьющихся волос. Губы ее были ярко накрашены. Помада была как некий условный знак. Сотрется – и вульгарность исчезнет. А вот странный блеск в глубине глаз ничем не стереть, его даже не скрыть под длинными густыми ресницами. Гимп тоже заметил ее и всмотрелся. Но сквозь черную повязку трудно различать лицо, и Гимп усомнился – она? Не она? Но повязку снять не посмел. Девушка, почуяв опасность, повернулась и неспешно двинулась через зал, покачивая стройными бедрами при каждом шаге. Возле Александра она остановилась, взяла юношу за руку.

– Сыграем, дружок? – Ее улыбка обещала все удовольствия мира. Лгала, конечно. Ибо разговор шел всего лишь об игре в кости.

– Я на мели... а так бы охотно. – Александр смутился, покраснел до корней волос. Он не знал, куда смотреть – на ее волосы или на ее губы, и в конце концов уставился на ее грудь.

– Неужто? Я слышала, ты очень богат.

– Проигрался только что. – Ему было неприятно при-

знать, что лично у него нет ни асса, что каждый сестерций надо выпрашивать у матери или отца.

– Жаль. – Она отвернулась и принялась рассеянно обозревать зал. Но при этом оставалась рядом. Будто намекала, что у него еще есть шанс.

– Займемся другой игрой?

– Ты же проигрался, – красавица смерила его взглядом с головы до ног, презрительно фыркнула и ускользнула от потных пальцев Бенитова наследника.

– Завтра деньги будут. Клянусь Геркулесом! – крикнул он вслед и даже побежал. Но столкнулся с каким-то солидным мужчиной. Его толкнули. Служитель вял его за локоть, отвел в сторону.

Она обернулась. Вновь улыбнулась, будто монетку уронила в подставленную ладонь.

– Значит, игра будет тоже завтра, красавчик. Без денег игры не бывает, разве не знаешь?

Черная бабочка порхала среди золотых огней. Александр облизнул губы. Деньги он найдет. Непременно. Даже если надо будет кого-нибудь ограбить и убить, он ограбит и убьет. Ради этой чернокудрой.

II

Выйдя из игорного зала, брюнетка пересекла перистиль. Темная зелень, черная бронза скульптур. Лишь серебряные

глаза статуй светились в темноте. Вода в бассейне отливала изумрудом. Молодой человек с длинными светлыми волосами сидел на бортике бассейна.

– Много выиграла?

– На месяц хватит, Серторий. – Береника закурила табачную палочку. – Думаю, за месяц мы успеем устроить все, что задумали. Видела Александра. Ублюдок. Но справиться с ним легко. Даже неинтересно. Амеба... Плесень. – Она сплюнула в изумрудную воду бассейна.

– А Гимп? Ты видела Гимпа?

– Разумеется. Стоит, обмотавши черной тряпкой наглые зраки, и воображает, что никто не догадается о том, что он зряч. Гений Империи, одним словом. Каков гений, такова и Империя.

Серторий поморщился. Ему не нравилась с некоторых пор ненависть Береники. Ему с некоторых пор многое не нравилось. Почему она ненавидит? Он не понимал. Может, слаб духом... Да, слаб...

– Он тебя узнал? – спросил Серторий рассеянно, продолжая думать о своей слабости.

– Нет. Ведь мы изменились. Нас теперь никто не узнает.

«Мы изменились... – думал Серторий. – Мы изменились, и я ослаб духом. Как печально...»

Да, он слаб и не знает, куда идти. И потому послушно идет за Береникой.

III

В те дни, когда Гимп был сброшен на землю вместе другими гениями, он уверился, что и на земле останется высшим существом. Многие годы он был неистребим и неуничтожим. Облитый бензином и брошенный в пламя, он сгорел, превратился в черный остов, много дней пролежал на помойке, но регенерировал и ожил. Неумирание дарованной плоти отличало бывшего гения Империи от прочих собратьев: все другие гибли легко, как люди. Подобный дар должен был что-то значить. Но вышло, что не значит ничего: всего лишь оболочка бессмертия, но не само бессмертие; нелепая страсть графомана, умение слагать слова во фразы, начисто лишённые блеска.

Да и как иначе: что делать гению Империи на земле? Лишь наблюдать, как рушится грандиозное здание? Разве можно Колосса Родосского подпереть плечом?

Гимпа печалило, что в последние годы он перестал время от времени слепнуть. Теперь он всегда был зряч, всегда все видел, и не мог заслониться слепотой от внешнего мира. Однако зрячий Гимп на людях носил черную повязку. Ткань была тонкой, сквозь нее он различал предметы, свет и абрисы лиц. Большого и не нужно. Гений понимал, что ни его самого, ни других эта черная лента не может ни обмануть, ни даже развлечь, но продолжал раз начатую игру.

Поднявшись к себе в таблин, Гимп обнаружил, что его ждут: немолодая, но еще привлекательная женщина с коротко остриженными светлыми волосами сидела в его любимом кресле и курила табачную палочку.

– Привет! – сказала гостья. – Не ждал? Удивлен?

Он в самом деле не ожидал сегодня увидеть Арриетту. Нет, Гимп не удивился. Просто потому, что в последние годы не удивлялся ничему. Ни внезапному появлению людей, ни их исчезновению.

– Зачем ты приехала из Лондиния? – спросил он, целуя гостью в губы. Но без намека на страсть. Их губы лишь мимолетно соприкоснулись.

– Наскучило каждый день видеть одни и те же лица и слышать одни и те же речи. Захотелось разнообразия. К тому же поругалась с этой сучкой Вермой.

– Из-за чего?

– Просто так. Она меня терпеть не может. И я ее, кстати, тоже. К тому же она пишет мерзейшие стихи. Бывшая охранница сделалась графоманом.

– Ты не права, Арриетта. У нее прекрасные стихи, – запротестовал Гимп. Но все же добавил: – По нынешним безгениальным временам.

– Прекрасные?! – Поэтесса взъярилась. – Отвратительные, вонючие, дерьмовые. И не смей возражать! Хочу ее ненавидеть и ненавижу. Она отбила Марка Габиния у Валерии. Хорошо, что несчастная старая девственница явилась

ко мне за помощью. Валерия выкрасила волосы в какой-то умопомрачительный лиловый цвет и нарядилась в пестрые девчоночьи тряпки. Я увезла Верму на очередное собрание поэтов, которые Марк терпеть не может. Пока мы там с наслаждением оплевывали друг друга, а Верма – с особым удовольствием крыла всех бранными словами, Валерия бросилась на шею опешившему Марку и поклялась в вечной любви. Ты бы видела физиономию Вермы, когда она обо всем узнала. Она накинулась с кулаками на Марка. Бедняга. У него даже к свадьбе не успел сойти синяк под глазом. При нашей последней встрече Верма хотела вцепиться мне в волосы. – Арриетта демонстративно погладила светлый ежик на голове. – Не вышло.

– Не будем больше говорить о Верме, – предложил Гимп. – Неужели только из-за нее ты вернулась?

– Разумеется, не только! – Арриетта затушила табачную палочку в бронзовой пепельнице в виде льва с разинутой пастью. – Я приехала, потому что Неофрон опубликовал новый библиончик.

Гимп рассмеялся.

– Ну, уж не из-за этого – точно. Когда тебя интересовали подобные книги?

– Именно из-за этого, – вполне серьезно отвечала Арриетта. – Я ждала этой тридцать второй Пустыни. Очень долго ждала. В принципе, вся жизнь моя ушла на это ожидание.

Гимп тряхнул головой, все еще не понимая, к чему клонит

Арриетта, и снял черную повязку. Он по-прежнему выглядел юным красавцем, она же постарела, пусть не слишком, но все же юной девушкой назвать ее было нельзя.

– Не понимаю: ты всю жизнь ждала этого библиона? Неофроновского очередного творения?

– Да нет же! – воскликнула она раздраженно. – Ждала тридцать второй пустыни. Рубежа, предела, конца всего. Империи в том числе...

– Конец Империи? – Гимп нахмурился. – А что дальше?

– Дальше – другое!

– Что именно?

Она пожала плечами.

– Не знаю. Но не так, как прежде. Без бенитов и макринов. – Глава исполнителей Макрин был ее отцом – каждый раз Гимп как бы с трудом вспоминал об этом.

– Лучше или хуже?

– Лучше, конечно.

– А что, если хуже?

– Лучше, – упрямо повторила Арриетта. – Гимп, да что с тобой? Раньше ты говорил удивительно. Каждое слово – откровение. Каждая фраза – тайна и ловушка. Вспомни! Я балдела от каждого твоего слова. И за каждое слово тебя боготворила! А теперь ты моих простеньких придумок не понимаешь!

– Тогда я был только что с неба. Теперь стал совершенно земным. Свои сверхспособности трачу на то, чтобы ловить

жуликов в алеаториуме. – Он нахмурился. Неприятно сознавать, что небеса стали слишком далеки и не понятны. – Так зачем ты явилась?

– Посмотреть, как Бенита повесят за ноги, – Арриетта тихо рассмеялась.

– Кто повесит?

– Не знаю. Но кто-то должен это сделать. И очень скоро. Империи конец. Последний акт смотреть всегда волнующе.

– Можно вопрос? – вкрадчиво спросил Гимп. Арриетта, не подозревая ловушки, кивнула. – Ты все еще берешь деньги у Макрина?

Она смутилась, но лишь на секунду.

– Беру. Стихами на хлеб не зарабатываешь. Отец платит мне пособие и взамен не требует ничего. Он даже не против наших с тобой встреч с тех пор, как ты примирился с Бенитом.

Да, Макрин не против их встреч. Но у Гимпа с Арриеттой само собой как-то все разладилось. Они то сходятся, то расстаются. И при этом постоянно ссорятся. Гимп не мог понять – почему.

– А на что ты будешь жить, если Макрина повесят вниз головой рядом с Бенитом?

– Он – мой отец! – кажется, она рассердилась.

– Ну и что? Разве это его спасет?

– Это его дело.

– Хочешь бороться?

– Бороться? Нет. С кем? Нет. Борьба – это чушь. Хочу

написать новую книгу стихов. – Она рассмеялась. – О боги, Гимп! Что с тобой! Мы не виделись столько дней, а ты ведешь себя как чужой. Почему я всегда должна начинать, а?...

Она обхватила его руками за шею и поцеловала.

– Ну, я не знаю... – пробормотал он, отрываясь от ее губ, – какое у тебя настроение.

– Нужное настроение, – последовал смешок. А за смешком – поцелуй.

Влечения почти что не было. Так – легкое притяжение. Но скоро не останется и его.

IV

Шумная ватага Августа высыпала на улицу. Шли неспешно. Кумий порывался читать стихи, но его всякий раз перебивали. Он не обижался – смеялся со всеми. И вновь начинал декламировать. Желтые цепочки фонарей тянулись вдоль пустынных улиц. Свет в окнах уже не горел, Рим спал, один Август безумствовал, а ночная стража охраняла сон столицы. Бывало порой, еще исполнители выходили в такие ночи повеселиться. Вигилы старались обходить исполнителей стороной, хотя случались и стычки: вигилы никак не могли забыть, что призваны охранять порядок, чувство долга, как застарелая болезнь, нет-нет, воскресало в душах «неспящих». По Риму ходили слухи, что пять или шесть исполнителей погибли при загадочных обстоятельствах, и Бе-

нит трижды вызывал к себе в кабинет префекта ночной стражи и устраивал разнос. Но сместить почему-то не решался.

– Благодаря вождю Бениту... – начал стишок Гепом.

Все улицы дерьмом залиты, – подхватил Кумий. – То есть я хотел сказать – огнем.

– Мы тебя именно так и поняли, – отозвался Постум.

Кумий тяжело вздохнул.

– Почему-то после карцера я разучился писать хорошие стихи. Наверное, это касторка вымыла из мозгов прежние способности.

От стены отделилась тень и шагнула навстречу Августу. Крот тут же подался вперед, загоразивая могучим телом юного императора. Фигура в темном медленно подняла руки и откинула капюшон плаща. Свет фонаря высветил белый лоб, вздернутый носик, яркий надменный рот. Перед ними была девушка лет восемнадцати-двадцати.

– Что надо, красотка? – спросил император, отстраняя телохранителя.

– Ищу с тобой встречи, Август. Хочу попросить за этих двух несчастных юношей. За Корва и Муция, что уронили бюст. Их приговорили к арене. Но ведь так же нельзя – за кусок мрамора отдавать две жизни.

– Они твои родственники? Братья? Любовники?

Она отрицательно покачала головой:

– Я их даже не знаю. Слышала лишь имена. Услышала и запомнила. – Она смущалась и потому пыталась быть дерз-

кой.

– Тогда почему просишь за них?

– Потому что больше никому. А они ни в чем не виноваты. И кто-то должен попытаться их спасти. Вот я и решила, что помогу. – Она вытащила из-под плаща письмо и протянула императору. Август, помедлив, взял. – Второй экземпляр я отправила Бениту.

– Во дает! – воскликнула Туллия. – Ну, надо же! Я-то думала, что идиоты уже повывелись. Оказывается – нет.

– Да, оригинальное прочтение вопроса. Кто-то должен просить за того, кто в беде. Кто-то должен. К сожалению, милочка, я ничем не могу помочь. – Постум вертел письмо в руках, не зная, что с ним делать.

– Август, они не виноваты. Ты должен спасти их. Или... – Просительница повысила голос, будто угрожала.

– Нет, милочка, они могут спасти себя сами, если выстоят на арене против исполнителей.

– Они не смогут. Их никто не учил.

– Тогда пожертвуй несколько сестерциев на их похороны. Лучше анонимно. Так безопаснее. Пошли по почте на адрес «неспящих». Родственники наверняка откажутся их хоронить.

Она оторопела. Стояла несколько секунд неподвижно, переводя взгляд с императора на Кумия. Она надеялась, что император шутит. И вдруг поняла – Постум говорит серьезно.

– Убийца! Вы все убийцы! – закричала она и в ярости топнула ногой. – Все, кто творит такое!

– Ее придется взять ее с собой, а то дуреха отправится просить за этих дурней к Бениту. Крот! – кратко бросил Постум.

Здоровяк сгреб девушку в охапку, взвалил на плечо и понес легко, как пушинку.

– Пусти! – взвизгнула девушка. – На помощь!

– Молчи! – рывкнул Крот. – А то рот заткну твоим же кинктусом.

Пленница что-то мявкнула в ответ, но никто не разобрал – что именно. Угроза явно на нее подействовала.

– Ей так повезло – она встретила тебя, – усмехнулась Туллия, но в усмешке ее чувствовалось немало яду.

Они успели пройти лишь один квартал, как навстречу им вышли человек пять – в черных кожаных туниках, в черных повязках, сдавливающих лбы. «Узда мысли», – называл такую повязку Кумий. С первого взгляда видно – исполнители.

– Эй, ребята, куда это вы направляетесь? – крикнул Август. – Поить касторкой очередного бунтаря? Неужели в Риме еще остались бунтари?

Главенствовал в отряде высокий желтолицый парень лет двадцати пяти с бесстрастным, будто выточенным из мрамора лицом. Глаза у него были прозрачные, как два кусочка льда. Гений? Или просто молодой стервец? Скорее всего, второе. Теперь многие изображают гениев, думая, что под

маской иного могут творить все, что угодно. Парень нагло смотрел на Августа и кривил губы.

– А ты куда отправляешься? В Субуру? – главарь узнал Августа, но титула не произнес. И это не понравилось Постуму. Дерзость исполнителя всегда строго дозирована. Возможно, эти ребята его поджидали, науськанные Макрином. Двадцатилетие императора не за горами – это Август все время держал в уме.

– Хочешь присоединиться?

– Не откажусь. – Исполнитель шагнул ближе. – Уступи-ка нам своих девчонок. Они мне нравятся.

– Зато ты мне не нравишься, – огрызнулась Туллия. – Фекальная харя.

Разом лязгнули, выходя из ножен, мечи. Пятерка исполнителей ринулась вперед, блеск стали в желтом свете фонаря казался густым и липким. За мгновение до атаки Крот швырнул девчонку в чей-то вестибул и выхватил меч. Август тоже оказался проворен. Зато Кумий едва не угодил под удар, – Философ успел схватить сочинителя за пояс и рвануть к себе. Сталь полоснула пустоту, будто черный человек рассчитывал нарезать из ночной тьмы лент для своего мрачного наряда. Бой закипел – беспорядочный, но оттого не менее жестокий. В охране Августа лишь двое были вооружены, да он сам имел при себе меч. Но мгновенно явилась помощь. Перво-наперво Туллия сдернула с пояса стальную цепочку с металлическими шариками и, завертев ею в воздухе, уго-

дила исполнителю прямо в лоб. Тот и упасть не успел, как Меченый подобрал его клинок и ринулся в гущу, рыча, будто лев на арене. Сталь вспыхивала белым светом, а следом мостовую обливало алым. К отпору исполнители не привыкли и подались назад. Один из них кинулся на безоружного Философа, что стоял в стороне. Рубанул и раз, и другой, но поразил пустоту – Философ играючи ушел от ударов. Так игра меж ними продолжалась, пока Постум не обернулся и не раскрыл наискось черную куртку на спине исполнителя. Вместо черного вышло черное с белом и алым трехцветье. Философ поднял меч убитого, но в драку не полез – лишь взвесил клинок на руке – меч был неплох, случалось драться оружием и похуже. Он перехватил рукоять поудобней. Никто пока не одолевал. Крот голыми руками мог бы придушить противника, однако рубился с жаром. Гепом больше прыгал и фиглярничал – не разил. Не мог. Бывшая ипостась гения мешала. Зато Меченый старался за всех. Туллия отступила к стене, поигрывала цепочкой и усмехалась. Не в первый раз случалась ночная драка. Однако такая отчаянная и кровавая – впервые. Теперь, когда противников осталось трое, Постум также отступил, предоставляя подручным драться, а сам наблюдал.

– Что скажешь, Философ? – спросил император, переводя дыхание. – Хороша потеха?

– Так Нерон развлекался, – отозвался Философ. – Что ж тут хорошего?

– Не я искал этой встречи.

– Будь ты во дворце, и встречи бы не было.

– С исполнителями? Видать, ты прибыл издалека. Да их можно встретить где угодно. На днях сожгли библиотеку. Представь: сидишь ты в читальном зале Траяновой латинской библиотеки, и вдруг заваливаются эти красавцы. Обливают книги бензином, щелкают зажигалкой и...

Постум не закончил – рванулся вперед и парировал удар исполнителя, который едва не пропорол бедро Гепому. Тут же бывший гений треснул исполнителя по лбу клинком плашмя.

– Вон, уроды! Велю всех перебить! – прорычал император и взмахнул мечом. Клинок со свистом рассек воздух.

Ярость императора произвела куда большее впечатление, чем свист клинка – исполнители отступили. Предводитель их, получивший в драке несколько царапин, скалился презрительно и зло. Противник Гепома сидел на мостовой, держась за голову и не понимая, что происходит.

– Уходим, – приказал Август. – И добычу нашу не забудьте.

Девушка стояла за колонной вестибула и даже не пыталась бежать. Вид крови и крики раненых парализовали ее. Возможно, она и в Колизей не ходила, а тут увидела такое, и вблизи. Крот взвалил ее на плечо. Она лишь охнула и обхватила его за шею руками.

– Я – твой должник, – сказал Гепом императору.

– Ты говоришь мне это в сотый раз, покровитель помойки, – отозвался Постум.

– Гении знают, что говорят. В отличие от людей.

Философ уходил последним, а, уходя, оглянулся. Предводитель исполнителей пинками поднимал раненых с мостовой. Попытался поднять и мертвого. Но тот не подчинился.

V

Юный император разлегся в табличине на огромном персидском ковре. Остальные расположились вокруг, лишь Философ уселся в отдалении, стараясь подчеркнуть свою непричастность к остальной компании. Меченый же, напротив, придвинулся ближе к Туллии и зашептал ей что-то на ухо. Та сдержанно хихикала. Меченый уже не казался в свите Августа чужим. Хоть и старше Августа и девушек годами, он мгновенно сдружился со всеми. А вот Философ – нет. Он держался особняком. Хлоя постоянно на него поглядывала, но тут же отводила взгляд, чтобы через несколько минут вновь глянуть на Философа. Внимание это заметила Туллия и демонстративно хмыкнула. Хлоя покраснела до корней волос.

Пленница стояла перед Августом и его друзьями, как перед судьями. Но теперь девушка не выглядела ошарашенной или испуганной. Крот направил на нее луч лампы, как луч прожектора, чтобы каждый мог получше рассмотреть «пре-

ступницу». На вид лет восемнадцать. Глаза карие, волосы каштановые с золотым отливом, куда светлее бровей и ресниц. Фигура далека от совершенства: плечи узкие, маленькая грудь, а бедра полноваты. Но при этом ноги длинные – достаточно длинные, чтобы бегать в колеснице Августа нагишом. Туллия и Хлоя взирали на пленницу снисходительно, сознавая свою неоспоримую красоту. Но и она глядела на них свысока. Не красавица и никогда ею не станет. «Но дети у нее наверняка будут красивы», – почему-то подумала Хлоя, глядя на пленницу. И позавидовала ей, сама не зная почему.

– И что же она пишет мне, Августу? – проговорил Постум, разворачивая конверт. – «Если ты здравствуешь, Август, хорошо». Я тоже так думаю... «Ради милосердных богов...» Сомневаюсь, что они милосердны. – «Нельзя казнить невинных ребят – это подло...» Ну, моя милая, таких писем императору не пишут. Бла-бла-бла... «вспомни о справедливости...» Бениту ты написала то же самое? М-да... Бениту это вряд ли понравится. «Исполнители – профессиональные убийцы». Вот этого точно не стоило писать. Да еще подписалась: «Маргарита»⁹. Это твое настоящее имя?

Девушка кивнула.

– Странное имя. Такое прежде могли дать какой-нибудь рабыне.

– Я не рабыня.

⁹ Маргарита (греч.) – жемчужина.

– Теперь все рабы.

– Я не рабыня, – повторила она, и в темных глазах ее загорелись фиолетовые огоньки – так у разъяренной кошки вспыхивают глаза, когда она вострит когти. – Меня назвали Маргаритой мои приемные родители. Мое прежнее имя Руфина.

Имя это произвело впечатление на Философа, и Меченого – они переглянулись, при этом Философ нахмурился, а Меченый покачал головой. Но ни Август, ни его друзья не обратили внимания на признание Маргариты. Мужчин с именем Руфин много в Риме, женщин с именем Руфина – и того больше.

– Так зачем ты хотела встретиться со мной? – спросил Август.

– Я же сказала: чтобы спасти этих двух ребят – Корва и Муция.

– А может, ты хотела, чтобы я переспал с тобой?

– Ты не в моем вкусе, – девушка покраснела.

Вряд ли ей прежде доводилось разговаривать даже с вигилом – по ее чистенькому личику и простенькой светлой тунике до колен сразу видно, что она из приличной семьи, где жизнь течет чинно, и где день сегодняшний похож на день вчерашний, как две капли воды из фонтана в атрии. Вечерами в табличке читают Вергилия и не читают Петрония, верят сообщениям «Акты диурны», по праздникам ходят в театр и кино и не ходят в Колизей. Вот только глаза у нее отнюдь не

Лукреции, а бунтарки – это видно сразу.

Крот высыпал перед Августом на ковер содержимое сумочки Маргариты. Пудреница, губная помада, вышитый платок из виссона – надо заметить, дорогой платок, костяная тессера в театр Помпея. Ну, кто же сомневался, что она театралка! Записная книжка в переплете из кожи с золотым тиснением. Девушка молчала, глядя на творимое безобразие, и кусала губы. Что ж, пусть молчит – долго выдержать не сможет. А записная книжка все скажет лучше нее. Постум раскрыл книжечку наугад и прочел вслух:

– «Римляне забыли Всеобщую декларацию прав человека...» Философ, это по твоей части. Оказывается, не все экземпляры деклараций спустили в латрины. Один остался. «Нельзя позволять так себя унижать»... М-да – *так* нельзя. Хотелось бы знать – как можно? Но тут пояснений нет. Что там дальше... Ага, вот опять: «...ничтожный похотливый безумец». Это, надо полагать, обо мне.

У Маргариты дрожали губы, хотя она и сжимала их со всей старательностью. Постум заметил это, и опять торжествуя улыбнулся – как в разговоре с Александром – лишь на мгновение, и тут же принял серьезный, почти хмурый вид.

– И почему ее так волнует моя похоть? – продолжал Август. – Наверняка хочет испробовать, какова она, а, Туллиола?

– Конечно, хочет, – поддакнула эбеновая красотка, и об-

лизнула кончиком языка губы. – Очень даже, – промурлыкала и похлопала Августа по колену.

– Оставь ее, Постум, она же сейчас разревется, – попросила Хлоя. – Я терпеть не могу рева.

– Неужели? Такая большая девочка – и будет плакать?

Постум поднялся и неторопливо подошел к пленнице. Движения его были ленивы, самоуверенны.

– Красавчик! – причмокнула ему вслед Туллия.

Маргарита вздрогнула. Он взял ее за подбородок и повернул лицо к себе. Она подняла ресницы и глянула ему в глаза. Видно было, что безумно боится. Но старается из последних сил это скрыть.

– Одного не могу понять, – задумчиво проговорил Постум. – Какое отношение имеет «Всеобщая декларация прав человека» к моей похоти.

– Ты позоришь титул Августа! – девушка задохнулась, ошеломленная собственно смелостью.

– Неужели? И кто думает так же, как она?

– Я, – сказал Философ и поднялся с ковра.

– Двое. Кто-нибудь еще?

– Август, ты душка! – Туллия рассмеялась. Маргарита вздрогнула, как от удара. В этот миг они друг друга возненавидели.

Кумий и Гепом заплодировали.

– Вы в меньшинстве, ребята. Так что, я думаю, моя похоть имеет отношение лишь к твоему вожделию, Маргарита, –

усмехнулся Август. – У тебя наверняка появляется приятное жжение внизу живота, когда ты думаешь, сколько телок я трахаю за вечер.

Девушка попыталась отшатнуться, но за спиной у нее была стена – неподатливый камень. И она прижалась к этой стене.

– Признайся, тут все свои. – Он провел рукою по ее бедру, задирая тунику. – Именно об этом ты думала, когда шла просить за этих мальчишек. Мальчишки – только повод.

Он коснулся узкой полоски кинктуса. Она ударила его по руке.

– Вот глупая! – засмеялся Постум. – Она не хочет, чтобы я ее возбудил перед тем, как трахну.

Он грубо схватил ее за шею, запрокинул голову и жадно приник к губам. Девушка замычала, беспомощно взмахнула руками, пытаясь вырваться, потом в ярости всадила ногти Постуму в щеку.

– Ах, дрянь! – юноша отскочил, держась за скулу. – Да ты...

Неведомо, что бы он сделал с пленницей – вlepил пощечину или сбил с ног и повалил на ковер. Но не успел – удар по другой скуле отбросил его к стене. Постум не сразу понял, что произошло: перед глазами его брызнуло белым светом и ослепило. Очнулся император на полу. Он тряхнул головой, приходя в себя, и увидел, что Философ стоит над ним, сжимая кулаки. Как хромоногий оказался рядом, Постум не по-

нял. И другие – тоже, увлеченные забавой Августа.

– Он ударил меня. Он ударил меня, – повторял Постум с удивлением, будто не мог в это поверить. Потом ярость в нем закипела. Он вскочил на ноги – будто пружина распрямилась. – Раб меня ударил! Крот! – Здоровяк тут же поднялся. – Что в моем доме полагается рабу, если он ударит господина?

– Десять ударов плетью, Август.

Философ снял со стены плеть и молча протянул Постуму.

Император несколько секунд смотрел на плеть, потом перевел взгляд на Философа, они глянули друг другу в глаза. Что именно прочитал Август в глазах своего раба – неизвестно. Но он отступил и напустился на Туллию:

– А ты что сидишь? Лед принеси! На кого я завтра похож буду, а?

Та сорвалась и выбежала из таблина.

Постум взял из рук Философа плеть, взвесил на руке.

– Постум, прекрати! – крикнула вдруг Хлоя. – Так же нельзя. Он же старик, пощади его седины.

– Я не давал тебе слова, – отвечал Август, даже не повернувшись на крик. – И всем остальным лучше помолчать.

Он ощущал глухое недовольство прежде восторженной компании. Но это недовольство лишь еще больше подхлестывало его и злило. Он медленно поднял руку. В таблине стало тихо. Казалось, никто не дышал...

– Не смей, – прошептала Маргарита ему в спину.

– Я бы ударил, – прошипел Постум. – Да, я бы ударил. И рассчитался. За все... – И он швырнул плеть на пол.

Лицо его было белым и таким страшным, что Хлоя невольно отвернулась.

Постум метнулся к двери и столкнулся в Туллией – та испуганно отшатнулась, увидев его искаженное лицо. Юноша вырвал пакет со льдом у нее из рук, приложил к скуле и, обернувшись, приказал:

– Девчонку – в наш карцер, и скажи Гету, чтобы глаз с нее не спускал. Убежит – я его жирную тушу на котлеты пушу.

Едва Август вышел, как Хлоя поднялась, взяла чашу с вином и поднесла ее Философу. Но тот не смог удержать чашу – руки его дрожали. Он и не пытался скрыть, насколько потрясен.

Крот сказал:

– Он, верно, перебрал сегодня. – И откашлялся.

А Хлоя только сейчас поняла, что Философ вовсе не стар – и телом и духом он еще очень силен. А седые волосы, шрамы и глубокие складки вокруг рта – все это грим, наложенный пережитым, которое торопилось поставить свою печать. И какая-то неведомая прежде нежность стянула все внутри в узел, и стало пусто под сердцем, и от этой пустоты – и страшно, и сладко. Хлоя задрожала и едва не выронила чашу. Философ глянул на нее с удивлением. Глаза их встретились. Несколько секунд они тонули в зрачках друг друга. Философ все понял – тут не было никаких сомнений – и отвел глаза.

VI

Философу снился странный сон. Будто он стоял на холме. Перед ним была низина, а в низине – храм.

Храм был построен из светло-коричневого туфа, фронтон украшен позолотой. Но дороги к храму не было. Перед Философом лежала низина, заросшая огромными лопухами. Философу они доходили до пояса, а порой и до груди и едва не скрывали его с головой. Он шел к храму через лопуховое поле. Под калыцеями влажно чавкало. Странно, что храм построен в низине. Обычно выбирают место на холме. К богам поднимаются, а здесь надо было двигаться вниз.

Деревья шумели. Ступени из коричневого туфа выводили из лопухов к алтарю, украшенному мраморными гирляндами ветвей оливы. Четыре мраморные совы, священные птицы Минервы, сидели по углам алтаря.

Он шел к храму, но тот не приближался. Заросли лопухов казались бесконечными. Ему надоело раздвигать их руками. Он выхватил меч и ударил. Из разрубленного стебля брызнула кровь. Лопухи сомкнулись, как строй перед атакой. Он ринулся на них грудью. Теперь он видел только мощные стебли и огромные зонтики листьев. Храм исчез.

Он устал, он не мог идти, ржавая жижа поднялась до щиколоток, потом до колен. Рыжий оттенок становился все ярче, пока не сделался алым. А впереди и позади все те же за-

росли и ни намека на дорогу. Он не сразу сообразил, что потерял направление. Где храм? Куда он шел? Куда идти дальше? И зачем?

Он проснулся и не сразу понял, что это только сон... Нестерпимо хотелось схватить меч и разить. Несколько секунд он лежал, представляя, как рубит огромные лопухи и прокладывает дорогу. Наяву корректировать сон было просто. Наяву лопухи отступили, и храм вновь стал различим.

Он лежал в спальне Палатинского дворца. Как когда-то очень давно, в юности. И комната похожая – маленькая спальня с мозаикой на стене, с одним-единственным ложем и столиком подле. Жизнь совершила круг. Бурная жизнь – столько событий. А, кажется, и не жил. Вдруг почудилось ему, что он, настоящий, лежит сейчас в другой спальне, просторной, устланной коврами, с золотой статуей Фортуны у изголовья. Но его душа почему-то оказалась изгнана оттуда, и вот теперь мается, тычась в горячую от бессонницы подушку, и двадцать лет непреодолимой стеной отделили душу от тела. Император... Он никогда не хотел ни титула, ни власти, но с другой стороны, знал, что он – император. И даже, быть может, больше, чем император. Это походило на безумие.

– Бред... – прошептал Философ. – Он совсем другой. И не похож ни капли. Я прожил свое. А он... – Запутался в местоимениях. Как мало они могут обозначить. Так же мало, как мало может человек в огромном мире.

Он – это кто? Постум – или он, сам, Философ? И нужно

ли их различать? Один император сражался на арене, другой – шлялся в странной компании по улицам Рима, безобразничал и куролесил. Быть может, потому, что им не хватало друг друга?

Непреодолимо хотелось выйти из спальни в нимфею, побродить меж фонтанов. Звук падающих струй успокоит душу. Но он знал, что выходить нельзя. Он заперт в карцере спальни. Он не может выйти и найти себя. Надо постараться дожить до утра. Хотя это кажется почти невозможным.

«Я поздно встал, я был один», – процитировал он слова Цицерона.

Да, он пришел слишком поздно. Ничего теперь не вернешь. Не исправишь. Почему он решил, что Постум сможет все сделать без него, почему вообразил, что мальчик устоит там, где взрослые ломались, как тростинки. Потому что Постум на четверть гений? Но что это значит – быть гением? Разве это добавляет сил? Что мы знаем о собственных детях? Мы можем только фантазировать, выстраивая их судьбу, а они уже совершенно нам не подчинимы.

Едва поутру Хлоя приоткрыла дверь в комнату Философа, как тот приподнялся. Впрочем, она не уверена была, что он вообще спал. Лежал и рассматривал мозаику на стене: Психея тайком пробиралась в спальню Амура, сжимая в руке горящий светильник. Галльская мозаика. Они обожают такое – неопределенность, блеск красок, колебание света и тени. Застывший миг, только сейчас, не будет завтра, не было вче-

ра. Или в Риме уже творят такое? Искусство, служащее не вечности, но мгновению.

– Что нужно? – спросил он. Его странный металлический голос не отражал никаких эмоций – ни раздражения, ни усталости. Нет, пожалуй, усталость была.

– Принесла завтрак: сок и булочки. Ветчину. – Она поставила поднос на столик. Философ отвернулся, но Хлоя не уходила.

– Не знаю, что на него нашло с этой девчонкой. Он не всегда таков. Хотя многие его порицают. Но он не так уж и плох. То есть...

– Зачем ты ему служишь? – спросил «раб».

– А куда мне идти? В лупанарий? Нет охоты. Папашка у меня был из тех, кто лишь рождает детей, а о том, чем их кормить, не думает. Настоящий пролетарий¹⁰.

А тут меня никто не обидит. Накормлена, деньги есть. Постум, когда не чудит, бывает такой милашка. Кстати, можешь взять на кухне жратвы да отнести девчонке в карцер. Карцер – это комнатка, на двери нарисована змея. Гета не зли. Он хоть старый и мудрый, но сильный, как Орк, задушить может. Одного соглядатая Бенитова задушил, нам потом пришлось придумывать, как от тела избавляться, не скармливать же его Гету в конце концов. И не вздумай помочь девчонке бежать. Она неведомо что сейчас натворить может, по-

¹⁰ Пролетарий – дословно – «производящий потомство». Свободный человек, ничего не имеющий, лишь рожающий детей.

падет к исполнителям, а Макриновы скоты пустят ее по рукам, будут трахать и в рот, и в зад, и во все места, в какие только можно. С моей младшей сестренкой так было. А ведь Истра ничего такого не сделала. Загребли ее за то, что она одному этому паразиту в черном по морде дала, когда он к ней приставать начал. Пока мамашка мне сообщила, пока я до Постума добежала, пока мы до карцера домчались, да ее отыскивали, девку из камеры на руках неживую почти вынесли. В Эсквиллинке ее откачали, да что толку – она умом тронулась – так до сих пор и сидит в третьем корпусе. Так что нашей красавице можешь эту историю рассказать, чтобы в другой раз тыковкой думала, прежде чем мысли свои умные в записной книжке писюкать.

У Хлои было румяное свежее личико, в белокурые волосы вплетены красные ленточки. Туника из дорогого шелка. Блеск шелка подчеркивает высокую грудь и округлость бедер. Простодушна, но не вульгарна, нет, не вульгарна.

– Ты хорошая, Хло, – сказал он и попытался улыбнуться. Но не очень-то у него это получилось.

– Да я знаю, что хорошая, – согласилась она. – И ты хороший. В тебя влюбиться можно до беспамятства – это точно. – Кажется, ее признание немного смутило Философа. – А где тебя так покалечили? Ты бывший легионер, да?

– Нет, я не солдат. Хотя всю жизнь сражаюсь. В молодости гладиатором был. Потом воевал. И всегда проигрывал. Вновь оказался на арене. И проиграл.

– А это ерунда. Главное – жив. Тот, кто всегда проигрывает, в конце выигрывает – это закон. Точно знаю.

– Закон Хлои? – уточнил Философ. В этот раз улыбнулся по-настоящему. И лицо у него сразу переменялось – сделалось молодым и обаятельным. Чутьочку мальчишеским даже. Сколько же ему лет? Есть ли пятьдесят? Ну, полтинник, допустим, есть. Но мускулы у него на груди и руках такие, какие у мужчин и в тридцать не часто встречаются. Седые волосы, правда, его старят. Зато глаза ясные, как у молодого. И черты лица тонкие. Чем-то он похож на... тут только Хлоя сообразила, что Философ внешне походит на императора. Вот забавно. Может, они в дальнем родстве? Впрочем, такое и не удивительно, если он из патрициев – в римской элите все друг другу родственники. Родственники и враги.

– Ага. Только мой закон почему-то еще не все знают.

Его губы расплзались в улыбке, и он ничего не мог с этим поделать. Он не чувствовал себя стариком. Молодость Хлои его влекла. Молодость – она ценна сама по себе. Возможностью принадлежать к таинственному племени молодых дается лишь раз. Когда ты молод, ты смеешься без причины. Когда молод, влюбляешься каждый день. В двадцать ты уверен, что знаешь все истины на свете и можешь то, что не может никто. Но ему пятьдесят. Нелепо. И все же. Неужели влюбился? Но ведь Летиция немногим старше Хлои. То есть старше, конечно, но, главное, легкости жизни уже нет. Пренебрежения жизнью, иллюзии всезнания – нет. Макси-

мализма суждений, преувеличения чувств – нет. Теперь, в пятьдесят, ему захотелось бесшабашности и хмеля двадцатилетнего.

Гладиатор должен быть молодым. Старый гладиатор – это извращение.

Юность Хлои, ее смех, ее шутки, ее гладкая кожа, – все это пропуск в мир молодости. Пусть на несколько часов. Но что в этом мире длится дольше?

Философ взял с серебряного подноса чашу с соком.

– Значит, я выиграю? – Он ей поверил. Будто она была авгуром и пророчила ему счастливую долю, власть, любовь и кучу сестерциев в придачу. А он верил.

– Непременно. Сразу видно, что ты отличный парень. Постум знаешь, как дерется – ну просто зверь. И в рукопашную, и на мечях. Крот его одолеть не может. А ты – бах и заехал ему! – Хло приснула. – Недаром он в ярость пришел. Туллия сказала, что ночью он даже плакал. И потом, потом... – она замолчала на полуслове, вспомнила: о том говорить запрещено.

Философ враз помрачнел, отставил чашу.

– Пойду-ка я нашу пленницу проведаю. Она, верно, изве-лась вся. Постум к ней... хм... не подъезжал больше?

– Ага, как же! Туллия так ему и позволит подъехать – она не только щеки, она ему глаза выцарапает.

– Туллия? – переспросил Философ. – А ты?

– А что я? Мне-то какое дело! – она запнулась, поняла,

что сболтнула лишнее и заторопилась уходить.

Однако ушла недалеко – осталась сторожить в галерее, чтобы никто не увидел нового гостя императора. А может, просто хотела лишний раз посмотреть ему вслед. Как он идет, хромая. Эта хромота нравилась ей куда больше твердой походки преторианца или вкрадчивого шага исполнителя.

VII

Философ остановился перед дверью с изображением золотой змеи. Отворил дверь и замер. Потому что всю проходную комнатку занимал огромный змей. Его коричневое тело сплелось немислимыми кольцами, и где-то сбоку высывалась огромная, как у мастифа, голова, возлежащая на вышитой шелковой подушке. Едва дверь отворилась, как змей вскинул голову, и два желтых прозрачных глаза с вертикальными зрачками уставились на гостя.

– Гет, – прошептал Философ.

– Ты-ы-ы, – выдохнул змей, поднимая голову еще выше, потом броском кидая ее вперед и замирая возле самого лица пришельца.

– Не ждал? – Философ усмехнулся.

– Да нет, ждал. Причем давно. Так давно, что года устал считать.

– Ну, вот я и пришел.

– Не поздновато ли?

– Путь далекий.

– Не близкий, – согласился Гет и посмотрел на поднос. – Девчонке поесть принес?

– Ну да, ей, не тебе же. Ты этого угощения и не распробуешь.

– Ага. Я теперь целого барана на обед съедаю, – похвастался Гет. – А через пятьдесят лет буду сжирать целого быка.

– Я, к сожалению, этого уже не увижу. Как девчонка?

– Да ничего вроде. Плакала ночью, сейчас спит, дуреха. Боится. Думает, в карцер отправят. Эх, кто бы мне объяснил: гениев на земле теперь полным полно, а жизнь лучше не стала. Почему? Можешь не отвечать, потому что ты все равно не знаешь.

Гет подобрал несколько колец своего огромного тела, освобождая на полу проход. Философ прошел через комнатку и отворил вторую дверь. Если девушка и спала до его прихода, то сейчас он ее разбудил. Она вскочила на ноги. Потом, заметив, что явился Философ, облегченно вздохнула.

– Фу, ты меня напугал.

– Есть хочешь?

Он осмотрелся. Комната-карцер была пуста, если не считать маленького коврика в углу, на котором спала девушка, латрины с крышкой в другом углу и раковины с серебряным краном. Ставить поднос на крышку латрины было как-то неловко, и Философ протянул поднос девушке. Она тоже оглядела комнатку. Опять же посмотрела на крышку убор-

ной. Потом фыркнула, рассмеялась и поставила поднос на пол. Она быстро пришла в себя. У молодых получается это вполне естественно: вчера плакал, сегодня смеешься. Маргарита села, скрестив ноги, и принялась с аппетитом есть. Сегодня она боялась уже куда меньше. Рассказать, что ее ждет в карцере? Нет, не стоит. Во всяком случае, пока. Философ почему-то надеялся, что подобного не случится. Он этого не допустит. Ни за что.

– У тебя кто-нибудь в семье попал в лапы исполнителям? – спросил Философ.

– Нет! – она тряхнула головой. – Думаешь, только тот, кто сам пострадал, о страдальцах может думать? Тут ничего личного. Просто опротивело все. Смотришь, как другие задницу этим мерзавцам лижут, или сидят тихонько, в уголок забившись, и страшно становится, что так всю жизнь просидишь. Вот и решила: не буду сидеть. Не буду. Я должна спасти этих парней. Глупо, конечно. У меня отец с матерью хорошие люди, честные. Отстранились от всего, не участвуют. «Мы друг другом живем», – заявляют. Но разве так можно? Сражаться надо. Я тайно мечом учусь владеть, чтобы сражаться. Честное слово. А ты? Как ты можешь служить этому подонку? А? Ты же честный человек.

– Постум – император.

– Ну и что – император? Это его обязывает – не нас. Он подонок. И все знают, что подонок. Все-все. Только молчат. Многие даже думают, что сын Бенита был бы лучше.

– Так думает Бенит, – перебил ее Философ. – А остальные лишь повторяют за ним. Я видел вчера сына Бенита в алекториуме. Он задолжал всем, играет и не может остановиться. Он пьет по-гречески ¹¹ и нюхает кокаин.

– Да что ж это такое! – воскликнула девушка, спешно проглотила булочку и едва ею не подавилась. – Неужели в Риме и людей больше нет?! Ну, хорошо, я знаю что делать – она кому-то погрозила пальчиком.

Вообще, в ней было много детского. Она казалась младше своих лет. Не глупее, а именно – младше. По ее манере говорить и держаться ей можно было дать максимум шестнадцать. А ведь ей двадцать. Да, ей двадцать, если это та самая *Руфина*, и она на несколько месяцев старше Постума. А между тем Постум рядом с нею выглядел как взрослый рядом с ребенком. Философ пытался определить, похожа ли девушка на покойного императора или на свою мать Криспину. Что-то, может, и было. Но рядом с Криспиной Маргарита показалась бы дурнушкой. Оба – и Руфин, и Криспина, не отличались романтическим складом души. Склонность к мечтаньям – а девица явно была склонна к мечтаньям – явилась у нее от каких-то давних предков – быть может, от императора Корнелия. Говорят, он был большой фантазер. Может быть, поэтому его застрелили в Колизее. Впрочем, никто так и не узнал, почему убили Корнелия. Это так и осталось тайной Рима – одной из многих его тайн.

¹¹ Пить по-гречески – значит напиваться до пьяна.

– Я знаю, что делать, – продолжала Маргарита. – Надо пригласить Элия. Пусть вернется и станет Августом. А сыночка его, того, что родился в изгнании, сделать Цезарем. А Постума отправить в Северную Пальмиру – поменять местами этих двоих. Здорово, да?

– Неплохая мысль, – согласился Философ. – Только ничего не выйдет. Элий – peregrin. И его младший сын – всего лишь всадник по социальному положению, так как получил статус своей матери, а не отца.

– Но Элию можно вернуть гражданство.

– Гражданство – да. И даже вновь включить его в патрицианские списки. Но он не может стать Цезарем вновь.

– Какое свинство! Но Постум подонок. Его надо осудить и выслать. Он хотел тебя ударить! Тебя, старика! О Боги, я готова была его задушить.

Философ не стал больше возражать, лишь сказал сухо:

– Тебе лучше побыть здесь. Это относительно безопасное место. Во дворце никто тебя искать не будет. Палатин, – добавил он многозначительно: оказывается, и своему металлическому голосу он мог придавать интонации, если хотел. – Как только Бенит получит твое письмо, тебя тут же кинутся искать. А исполнителям... – он кашлянул. Поискал подходящее слово и не нашел, – лучше не попадаться, – сказал неопределенно.

Девушка покраснела – запыхала и щеки, и уши, и даже шея.

– Я об этом не подумала, – призналась она. – Это правда? – Она в ярости швырнула в стену вторую булочку. Слезы брызнули из глаз. – Терпеть не могу эти фекалии!

– Почему она плачет? – спросил Постум. Он стоял в дверях, прислонившись к косяку. Маргарита не заметила, как он появился. Философ же услышал шаги, но не обернулся, позволив Августу подкрасться и подслушать их разговор. – Я, признаться, терпеть не могу свежих соплей.

Девушка отвернулась и принялась спешно размазывать слезы по лицу, а Постум за ней наблюдал с насмешливой улыбкой. Казалось, его забавляет вид слез и ее смущение. И гнев Философа – тоже. Он ожидал, что Философ начнет обличать. Но тот молчал. Секунду, две, три... Пришлось Постуму говорить.

– А наш Философ навещает юную пленницу! – голос Постума звучал издевательски. – Будь с ним осторожней, детка. Философ добродетелен и смел. Такие могут соблазнить, не прилагая усилий. А ты, детка, хочешь быть соблазненной – я это вижу по твоим злым глазкам.

– Не надо так разговаривать с Философом! – воскликнула девушка гневно, слезы ее мгновенно высохли.

– Не надо? – Постум шутовски склонил голову набок. – Она мне приказывает.

Кстати, Философ, ты объяснил этой дурехе, что ее ждет, если она попадет к исполнителям?

– Я намекнул.

– Нет, в таких случаях нельзя намекать. Все надо говорить открытым текстом. Исполнители обожают юных красоток. У них в области Венериных забав отличная фантазия. Ночь длинная. От заката до рассвета – непрерывный трах. И там не будет благородного Философа, который за тебя заступится. Если ты не хочешь попасться в лапы к этим фантазерам, то советую вести себя потише.

Девушка хотела что-то ответить – но не могла. Губы ее дрожали.

– Все надо рассчитывать до начала войны. Тот, кто не умеет этого делать, проигрывает, – с усмешкой сказал Постум. При этом он смотрел не на Маргариту – на Философа.

Верно, он добавил бы еще пару фраз, но тут дверь отворилась и в «карцер» заглянула Туллия.

– Ты здесь? Плохая новость: арестовали Кумия.

– За что? За дебош?

– Если бы! – вздохнула девушка. – За сочинения против ВОЖДЯ.

– Да что за ерунда! Кумий уж много лет ничего не сочиняет. От стихов его тошнит.

– Как же! Это он тебе заливал. А сам тайком накропал какой-то памфлет да еще показал своему дружку, который оказался фрументарием Макрина. Годами уже старик, а до сих пор не поумнел.

– Чтоб его Орк сожрал, старого пердуна!

Император вышел из комнаты, и Философ последовал за

ним. Постум резко обернулся.

– А ты зачем идешь за мной? Что тебе надо?

– Хочу быть с тобой рядом.

– Зачем?

Философ не ответил.

– Зря тратишь время. Мне осталось жить-то чуть-чуть.

Едва мне исполнится двадцать, Бенит прикончит меня. Власть он мне не вернет. Так не все ли равно, как я живу и что творю? Я хотя бы веселюсь, в отличие от трусливых обывателей.

– О тебе останется дурная память.

– Обо мне в любом случае останется дурная память – Бенит постарается.

– Кумий напишет правду.

– Кумий? – Постум расхохотался, так расхохотался, что слезы брызнули из глаз. – Кумий напишет правду... – Повторил он сквозь смех. – Кумий не умеет писать правду. Он только врет и фантазирует.

– И в результате получается правда.

Постум внезапно перестал смеяться.

– Да, может быть. Только надо сначала спасти задницу этого дурака Кумия. Хотя бы это я успею.

– Ты успеешь *все*, – сказал Философ.

– И я должен сам все решать... – прошептал Постум и запнулся. Он, казалось, еще чего-то ждал. Какой-то фразы, подсказки. Но Философ не произнес ее. – А может быть, не

стоит спасти Кумия? Пусть погибнет на арене, а? Что скажешь, Философ?

– Тебе будет приятно смотреть, как он умирает?

Император вновь расхохотался. Почти натурально.

– Я всегда об этом мечтал.

VIII

Каждое утро Бенит требовал, чтобы секретарь рассказывал ему обо всех событиях с подробностями. Все до мелочей. Пока он сидел за своим огромным столом, необъятным, как трирема, и перекладывал бумаги из одной пачки в другую, секретарь болтал без умолку. Секретарь уверял, что про вождя говорят только хорошее.

– И что – ни одного анекдота? – усомнился Бенит.

– Анекдот есть.

– Какой? Ну-ка, рассказывай.

Секретарь был мастер рассказывать анекдоты.

– «Сегодня надо зарезать сто человек, – говорит один исполнитель другому. – Таковы желания римлян». – «Слава богам, что они задают нам такие простые желания. А что если они бы попросили создать сто человек»? – «Ну, это еще проще. Мы бы изнасиловали сто телок».

Бенит захохотал и хлопнул в восторге по столу ладонью. Бумаги полетели на пол. В ту минуту доложили о том, что пришел император. Диктатор совсем позабыл, что Август

обещал заглянуть на завтрак. Бенит любил завтракать с Постумом. Тот рассказывал о своих похождениях так, что диктатор умирал от смеха. Способный, мерзавец. Куда способнее, чем его собственный сын Александр. Да, Бенит умеет быть объективным. И пусть все критики заткнутся. Александр – слабак. Подчиненные будут вертеть им, как куклой: мерзейшее качество для правителя. Если Постум будет вести себя хорошо, то парень, пожалуй, получит в награду Рим. Но не стоит обнадеживать пройдоху заранее.

Бенит перешел в триклиний. Здесь все уже было готово: повсюду пурпур, один только пурпур, все остальные краски поглощены его блеском. Даже беломраморные колонны казались розоватыми. Даже салфетка, которой Бенит вытирал губы, – пурпурная. И Бенит в пурпурной тунике, и император – тоже. Они как бы часть интерьера. И даже их лица в отсвете пурпура казались иными, выкрашенными розовым, как у кукол.

«А что если его лишит пурпура? – подумал Постум. – Бенит наверняка окочурится».

Посуда была только золотая. Самому Постуму подавали на серебре. Помнится, когда в детстве он первый раз это заметил, оскорбился до глубины души. С тех пор он научился скрывать обиды.

– Как поживаешь, мой мальчик? – в голосе Бенита слышалась вполне искренняя нежность. По-своему он любил воспитанника: ведь ему удалось сделать из императора

законченного подонка. Неважно, что отец Постума Элий – воспитал-то его Бенит.

– Дерьмово. Вчера трахал одну девку, а она расцарапала мне щеку. Видишь? – Император тронул изуродованную скулу, замазанную мазью и припудренную. Кровавые дорожки на коже все равно заметны. Если учесть, что другой глаз изрядно заплыл, несмотря на прикладывание льда, то вид у Августа был не слишком величественный.

– Да, ты выглядишь неважно. Может, ты трахал кошку?

– Кошку? – задумчиво переспросил Постум. – Эта дрянь походила скорее на пантеру.

– Хочешь, пришлю тебе одну козочку? У меня есть на примете. Пишет мне письма с признаниями.

– Да у меня три на примете. Но хочется приручить ту, что царапается.

– Понимаю, сам такой, – благосклонно ухмыльнулся Бенит. – Будь с ней потверже. Тогда она вцепится в тебя коготками и не отпустит. Бабы обожают грубость, ты уж поверь мне.

Бенит пил сильно разбавленное вино и закусывал фруктами. С годами он стал почти вегетарианцем и скромничал в еде. Постум смотрел на его пальцы, хватающие куски с золотых блюд. Раньше при виде этих пальцев у Августа пропадал аппетит. А теперь – нет. Теперь он видит пальцы человека, который двадцать лет держал в узде Империю. Многие считают, что Бенит был лучшей кандидатурой, нежели Элий.

Может, это и правда, но, скорее всего, – бессовестное вранье. Однако истину не узнать: Элий уже не станет императором.

– Я поймал твоего стихоплета с поличным, – самодовольно ухмыльнулся Бенит.

– Опять будешь поить касторкой?

– Нет. Придумал забаву получше. Завтра выставлю его на арене вместе с двумя парнями, что разбили статую, против моих исполнителей. Пожалуй, добавлю еще одного, который орал на улице всякие пакости. Получится хорошая потеха.

– Они же не бойцы. Можно ли их выпускать на арену?

– Разумеется можно. Против врагов позволено все – так говорили наши предки. А я уважаю древних.

– Смотреть на такие поединки не интересно. Отправь их в школу гладиаторов.

– Напротив, очень интересно! Безумно интересно – они будут трусить и умолять о снисхождении. Может быть, будут плакать.

– Что по этому поводу напишет «Акта диурна»?

– Она напишет то, что прикажу я, – самодовольно отвечал Бенит.

– А если она напишет то, что прикажу я? – с улыбкой спросил Постум.

– Разве это не одно и то же? – Бенит прищурился.

– О, конечно! – Постум сделал вид, что занят устрицами.

– Ты не пытаешься спасти Кумия? Ведь он столько лет был твоим учителем.

– А ты любил своих учителей?

Бенит одобрительно хмыкнул.

– Впрочем, я бы мог попросить за него. Старый прохвост порой меня забавляет, – небрежно добавил Постум.

– Ладно, я буду милостив. Поставлю против него какого-нибудь слабака. Победит – может вернуться к тебе. Я сегодня добрый.

– Ты начал переговоры о возвращении Пятого легиона? – как бы между прочим спросил Постум.

– Никаких переговоров, – заявил Бенит, – я их верну силой оружия. Только так и должна действовать Империя. Быть сильной – вот мечта каждой Империи.

– Неужели ты знаешь, что означает мечта Империи?

– Конечно. Любая Империя мечтает включить в себя весь мир.

– А мир мечтает ее уничтожить.

– Ты умный мальчик, – он знал, что Постума, как и любого римлянина, злит это обращение «мальчик», к нему, уже взрослому. Но Август не показал виду, что обижен.

– И ты отдашь мне Империю назад, когда мне исполнится двадцать?

– Разумеется, не отдам, – сказал Бенит. – Когда тебе исполнится двадцать – нет. Ты получишь ее, когда я умру. Если будешь вести себя хорошо. Не так, как Александр. Ты – законный император. И ты – это я.

«Неужели он не убьет меня?» Постуму хотелось в это ве-

ритель. Может, только-то и надо, что дожидаться смерти Бенита. И все образуется. Все встанет на свои места. Да, Бенит еще не стар. Но у него язва желудка, хотя он и скрывает это тщательно. Может, в самом деле подождать? Какой соблазн! Как все просто: жить и ждать, ждать и жить... и... Не дожидаться? То есть дождешься, но будет ли к тому моменту существовать Империя? Или останется одна мечта?

IX

Постум заглянул в таблин Сервилии. Не потому, что хотел – она сама попросила. Обычно юноша избегал встреч с бабушкой. В ее отношении к нему не было ни грана любви. Он это почувствовал еще в детстве. Вряд ли за двадцать лет она смягчилась сердцем.

Она сидела в кресле, прямая, стройная, все еще красивая. Не смотря на свои годы, необыкновенно красивая. Только рот сделался тонким в ниточку и совершенно безгубым. Яркой помадой она проводила черту – на пергаментной коже кровавый разрез. Обилие косметики делало ее лицо кукольным, неживым. Но взгляд был не злым – настороженным, во всяком случае, так показалось Августу.

– Ты был вчера в алеаториуме, – сказал она, продолжая рассматривать какие-то бумаги на столе.

Постум не стал отпираться.

– Был.

– Но не играл. И Александр там был.

– Не знаю.

– Не выгораживай его. Потому что я-то знаю точно. – Она сделала паузу. Короткую, но значительную. – Я тебя не люблю. С чего мне тебя любить? – Она отшвырнула какую-то бумагу. И вдруг посмотрела на императора в упор. – Спаси Кумия. Он, конечно, прохвост, но он не должен умереть.

Уже интересно. Он знал, что старуха способна на неординарные поступки. Но чтобы вот так, открыто... Или это провокация? За двадцать лет он научился никому не верить.

– Он совершил преступление, – сухо ответил Постум.

Она разозлилась, но держалась достойно, даже голоса не повысила.

– Он пишет, что в голову придет – как же иначе? Если запретить высказывать то, что приходит в голову, то вскоре и сами мысли перестанут являться.

– Скажи об этом Бениту.

Она глубоко вздохнула, будто набиралась сил. Потом сказала очень тихо:

– Я когда-то любила Кумия. Между нами ничего не было. Но я его любила. – Она помолчала. – Ты этого добивался, да? Доволен? – Беспомощное виноватое выражение проступило на ее лице, несмотря на слой косметики – казалось, Сервилия позволила себе сделать нечто недопустимое. – Спаси его. Он – талант.

– А что взамен? – спросил Август.

– Взамен. Взамен... – Пауза затянулась. – Я буду на твоей стороне.

Сервилия – союзница? О, это многое значит. Если, конечно, она будет помогать на самом деле, а не делать вид, что помогает.

– Попробую, – пообещал Постум. – Но почему такое внимание к Кумию?

– Он писал замечательные стихи.

– И только-то?

– Да. Еще у меня ко мне просьба. – Она сделала паузу. – Когда ты вернешь всю полноту власти. Когда... ты понимаешь... Ты должен даровать мне титул Августы.

– Тебе и прабабушке Фабии? – спросил Постум. Он и бровью не повел, услышав просьбу Сервилии.

– Нет, только мне.

Постум не сомневался, что ответ будет именно таким.

X

Кумия привели из камеры в маленькую комнатку для свиданий. Лицо его напоминало кусок рыхлого теста. Губы дрожали. Заключение обрядили в черную тюремную тунику, всю в мокрых пятнах. От Кумия пахло – потом, мочой и страхом. Постум отчетливо уловил едкие миазмы страха и едва сдержался, чтобы не поморщиться. Он терпеть не мог этот запах, знакомый с детства. Потом, когда Август немно-

го подросток, он научился постепенно забивать страх разъедающей кислотой ненависти. Но это потом. А сейчас запах страха напомнил ему давнее и невыносимое чувство бессилия.

Кумий присел на скамью. За решеткой его белое круглое лицо казалось особенно беспомощным. Лампа висела над головой Августа, и серая расплывчатая тень от решетки падала Кумию на лицо. Так что поэт был зарешечен дважды – сталью и тенью от стали. Почему-то эта вторая решетка раздражала куда больше первой.

– Ты как? – спросил Постум. – Знаешь о завтрашнем?

Разумеется, Кумий знал. Суд был еще утром, его осудили за несколько минут. Защитник отказался от защиты. Бенит – мастер устраивать комедии. Мог бы призы получать. Как Нерон, увешал бы стены спальни венками.

– Здесь кормят прилично. Вечером настоящий пир обещают. А мне кусок в рот не лезет. Я-то и меча никогда в руках не держал. Все думал, успею научиться драться. И вот, не успел. Да и смешно в сорок учиться на гладиатора.

– Остальные умеют?

– Откуда мне знать?! – Кумий затрясся. – Постум, мальчик мой, сделай что-нибудь. Ну, хоть что-нибудь. Спаси меня. Я – старый пердун. Я – трус. В душе моей нет «тройной меди». Даже одинарной нет. Не хочу умирать. Август, спаси меня, ты же можешь!

Он закрыл лицо руками и заплакал. Постум смотрел, как мутные слезинки стекают по дряблым щекам Кумия. Смот-

рел и не мог отвести взгляда. Будто видел что-то постыдное, запретное, элемент самой тайной мистерии, в обряд которой он еще не был посвящен.

Император кашлянул: у него самого в горле застрял комок.

– Вечером жди на пир. И пусть эти парни тоже придут. Как их, Корв и Муций, да?

– Пир? – переспросил Кумий и вскочил. – Ты сказал – пир? И все? Это все, что ты сделаешь для меня? Устроишь мне прощальную пирушку?! – Кумий не верил собственным ушам. Неужели Постум его так и бросит? Кумий похолодел, у него подкосились ноги, и он шлепнулся на скамью мешком. А ведь он надеялся...

– Не хочешь попировать напоследок? – пожал плечами Постум. – Или предпочитаешь умереть натошак?

– Не знаю, – прошептал Кумий. – Хочу, чтобы Бенит сдох. Вот чего я хочу. А более – ничего.

– Бенит держит Империю! – сказал Постум и покосился на охранника в углу.

– Пускай держит. Только я его ненавижу. И порой – Империю вместе с ним.

Постум протиснул руку сквозь решетку и сжал локоть друга.

– Ладно, не трусь. Я приду посмотреть, как ты умираешь. Это должно тебя утешить.

Постум поднялся и направился к выходу.

– Постум! – позвал Кумий жалобно.

Но юный император не обернулся. Вигил, охранявший вход, долго копался с замком, странно поглядывая на Августа. А вдруг его намеренно не выпускают? Запрут тут вместе с Кумием, а завтра – на арену. Нет, глупо. Чего он боится? Бенит обещал отдать ему Империю. Решетка наконец отворилась. Постум заставил себя нарочито медленно идти по коридору. Ему вдруг почудилось, что в эту минуту все за ним наблюдают. Весь Рим. И среди наблюдающих – Бенит.

XI

Стены казались зелеными. Только старинная кладка имеет такой оттенок – камень напоминает бронзу, покрытую благородной патиной времени. Кроносу все равно – бронза или камень. По прошествии долгих лет все становится бронзой – все, что таит в себе зерно бессмертия.

В небольшом помещении стояли три металлических лоджа, застланные белыми пушистыми покрывалами. Белые и пурпурные бархатные подушки принесли из Палатинского дворца. Пурпур эти стены видели впервые. Дивились. На круглый столик, одним своим видом суливший яства, тюремщики поставили только кувшин вина да положили краюху тюремного хлеба. Видимо, они сочли это остроумной шуткой. Трое обреченных смотрели на «яства» и молчали. Говорить никому не хотелось. Даже Кумию. Поэт украд-

кой разглядывал своих будущих «соавторов» по последнему бою. Один – совсем мальчишка, лет восемнадцати, а может, и того меньше – еще на губах светлый пушок, а в глазах веселье и страх. Он почти непрерывно истерически хохотал. Его брат, старше весельчака на три года, был жилист, крепко сложен и с первого взгляда видно, что тренирован. Этот наверняка умеет драться. Кумия убьют первым. Ну а мальчишку вторым. Странно судьба распорядилась. Он дал себе зарок – не писать. Клялся всеми богами, и Юпитером, и Геркулесом. И Минервой. И вдруг месяц назад накатило. Он и сам не помнил, как стило очутилось в пальцах, как появились на бумаге первые строчки. Сочинялось легко, как никогда. Он хохотал, как ребенок. Утром размножил – благо множительный аппарат на Палатине был. Прежний страх давно улетучился, и бензиново-касторовой напиток макриновых мучителей не вспомнился. Может, близость к императору вскружила голову, подумал, не посмеют тронуть поэта, коли сам Август приглашает его к себе. Оказывается, посмели. Да так посмели, что император и рта не успел открыть, а Кумия уже присудили к арене.

Дверь в тюремный триклиний распахнулась, и вошел Постум, за ним Гепом и Крот. Все трое несли пакеты с едой. Сразу, перебивая затхлый смрад узилища, запахло жареным мясом. То ли почуяв запах, то ли при виде Августа, осужденные поднялись.

– Лежите, ребята, не надо суетиться! – приказал Постум. –

Сегодня будет весело. А что будет завтра – неважно. Меня тоже скоро убьют. Так что я понимаю ваше печальное настроение. Ах, Кумий, Кумий, говорил же я тебе – сочиняй печальные элегии, это куда безопаснее.

Кумий пришел в себя после дневного разговора. То ли робкая надежда вновь трепыхалась в его сердце, то ли он покорился судьбе и решил повеселиться напоследок: умереть назначено было завтра.

– Постум, голубчик, повторяю вслед за Ювеналом: «Не могу не писать сатир».

– Ладно, пиши, что хочешь, – милостиво согласился Постум. – Все равно тебе осталась одна ночь.

Кумий потянул носом – всхлипнул.

– Кстати, а кто четвертый в вашей компании?

Будущие «соавторы» переглянулись.

– Нас тут трое.

– Я не о том. Кто четвертым выйдет завтра на арену? Вас должно быть четверо – так мне сказали.

– А, знаю! – весело воскликнул мальчишка. – Какой-то сумасшедший. Его держат в отдельной камере. У него волосы оранжевого цвета. И все лицо покрыто лиловыми пятнами. Лишай, наверное. Он весь день горланил похабные песни. Ты слышал, что он пел, Корв?

Тот, что постарше, кивнул. Старался держаться с достоинством, чтобы показать всем, а особенно младшему брату: ему не страшно.

– Позови его, – сказал Постум охраннику. – Это и для него последний пир. Пускай веселится. Таков обычай.

– Нам не хватает психа за столом? – удивился Кумий.

– Обожаю сумасшедших. У них есть, чему поучиться. Говорят, мой отец тоже сумасшедший.

– Нет, Элий только притворялся, а на самом деле он всегда был себе на уме. – Кумий вздохнул. – Я тоже пытался изображать чокнутого, но не получалось.

Заключенного привели. Волосы у него в самом деле были оранжевые. Как и туника. Брюки – синие. Сандалии с разноцветными ремешками. Одежда бродячих артистов. Как артист он был развязен. Как сумасшедший – изрекал истины.

– О, да тут у вас неплохое угощенье! Давненько так не едал! – воскликнул рыжеволосый, занимая место рядом с императором. Впрочем, он наверняка не догадывался, кто пирует сегодня с ним.

– Присоединяйся, – щедро предложил Кумий. – Пожри в последний раз.

– За что тебя взяли? – спросил Постум.

– За непонятливость, – отвечал рыжий, хватая со стола окорок и впиваясь зубами в нежное мясо. – Я прочел в вестнике, что Бенит после своей смерти еще год может исполнять обязанности второго консула. И стал всех спрашивать, как покойнику под силу такое? Он, что, из Тартара будет присылать записочки? Или установит вертушку в Аиде и будет названивать живущим? После того, как я задал этот вопрос

третьему римлянину, исполнители меня повязали. А вы, ребята, часом не знаете, как он сможет остаться консулом после смерти?

– Знаю, – отвечал Постум. – У него есть специальная папочка, а в ней – указания на год вперед.

– И всего-то? – разочарованно протянул рыжий. – А я-то думал, он изобрел беспроводную (то есть без проволочек) связь с Аидом. Фи... папочка с указаниями. Как примитивно! По-человечески примитивно. А если обстановка в мире изменится?

– Тогда не знаю. Ладно, лучше скажи, ты хорошо дерешься? – Постум тронул рыжего за плечо. Мускулы у него были твердые. Сталь, а не мускулы.

Рыжий замер, потом зачем-то потянул носом воздух.

– Мы с тобой, часом, не в родстве? – спросил он вдруг и коснулся лба императора.

– Не думаю. Так ты хорошо дерешься?

– Неплохо. Если память мне не изменяет, когда-то я был гладиатором.

– Надеюсь, ты не разучился драться.

– Драться – плохо, – философски заметил рыжий. – Но все время приходится бить кому-то морду. Понять не могу – почему. Не хочу, но дерусь. Всю жизнь против воли. Не понимаю...

– Не понимая, ты можешь драться?

– Приходится – как же иначе. – Рыжий вздохнул и развел

руками. – Победы без драк не достаются.

– Послушай, я тебе объясню. Вот этот толстяк сочинял стихи. И завтра за это его убьют на арене.

– За стихи? – переспросил рыжий.

– Да. За стихи. Хочешь его спасти?

– А хорошие он писал стихи?

Постум хитро прищурился, искоса глянул на Кумия.

– Не особенно. Но не настолько плохие, чтобы за них убивать.

Кумий, услышав такое, поперхнулся. Он кашлял и кашлял, хотя двое товарищей по несчастью нещадно колотили его по спине кулаками.

– Они были так хороши, что за них стоит умереть! – в ярости выкрикнул Кумий, наконец обретя голос.

– А эти двое уронили бюст Бенита и разбили, – продолжал Постум, сделав вид, что не заметил возмущения Кумия. – Причем не нарочно.

– Жаль, что не нарочно.

– Нас обвинили в святотатстве, – почти с гордостью произнес Корв. Три дня назад он был предан Бениту. Сейчас – искренне его ненавидел. – Якобы этот бюст – святыня. – Корв презрительно фыркнул. – Мир весь – одна жирная фекалия, – заключил он философски. – И Бенит всех обосрал. – Перед смертью можно говорить и не такое.

Мальчишке Муцию тоже хотелось придумать что-нибудь дерзкое и остроумное, но ничего не придумывалось.

– Истина – лишь вероятно, ценность святынь – тоже. Но, пожалуй, этих ребят надо спасти, – задумчиво проговорил рыжий. – Так?

– Попробовать стоит, – кивнул Август.

– Я буду драться, – пообещал сумасшедший.

– Отлично! – Муций глотнул неразбавленного вина и захмелел. Бой на арене казался уже не таким страшным. Да и чего бояться, когда рядом старший брат и еще этот гладиатор. – А что если мы побьем исполнителей, а?! Корв, мы ведь можем.

– Нет, – хмуро отвечал Корв. Он уже минут пять жевал кусок мяса и никак не мог проглотить. А мясо было нежнейшее. Но все равно Корв не мог его проглотить – кусок почему-то застревал в горле.

– Почему нет? Ты же...

– Ты – плохой боец. Я – плохой боец. Он, – Корв кивнул на Кумия, – вообще не боец. Один бывший гладиатор нас не спасет. – Он сделал новую попытку проглотить мясо, но попытка не удалась.

– Нам нужен еще один хороший рубака, – сказал рыжий. – Тогда может что-то получится.

– Я напиюсь до бесчувствия, и пусть меня убивают, – пробормотал заплетающимся языком Кумий. – И сам напишу на себя эпитафию. Постум, дружочек, похорони меня как положено. Обещай меня похоронить.

– Обещаю.

– Теперь слушай эпитафию.

Кумий хотел продекламировать надпись на будущем надгробии, но не смог. Лишь раскрыл рот – и позабыл сочиненное. Существует поверье, что тот, кто постоянно читает эпитафии, уходит в прошлое и забывает настоящее. Жаль, что это только поверье. Жаль. Было бы неплохо уйти в прошлое, когда можно было сочинять что угодно и исполнять желания.

XII

Философ сидел в кресле с книгой в руках. Но не читал. Смотрел, как ласточки вычерчивают причудливые узоры над макушками пиний. Хорошо в нимфее. Шумят фонтаны, шелестят деревья. Не верится, что за стенами Палатина раскинулся шумный многомиллионный город. Здесь зелень, влага, покой. Причудливый ковер растений кажется искусной мозаикой. Хорошо быть садовником на Палатине. Каждую весну высаживать рассаду, восстанавливая живой орнамент. Садовник Максим делал это с такой любовью, что невольно хотелось ему помочь. И Элий, маленький сирота, до которого не было никому дела, всегда ему помогал.

– Максим, – произнес вслух Философ.

– Что-то не так?

Садовник вынырнул из-за зеленой арки, держа в руках ножницы. Максим! Постаревший, согнувшийся почти пополам. Нос, и в молодости весьма солидный, теперь сделался

огромным, нависал над беззубым ртом. Старик почему-то не вставил зубы.

– Тебя не обижают? – спросил Философ.

Старик то ли не понял, то ли не расслышал.

– Нарциссы в этом году цветут хорошо.

– Как живешь?

– Рассада сильно подорожала. А денег не прибавили. До цветочков нынче никому нет дела, – в голосе его прозвучала обида. – А без цветочков нельзя. Не бывает земли без цветов.

– Как сын твой?

– Умер, – ответил старик. – Все сыновья умерли. Плохо жить так долго.

– Посади лопухи, – предложил Философ. – Нынче модно в садах сажать лопухи.

– Это Альбион чудит. Но нам их мода не указ. У нас тут классический стиль.

И он удалился, бормоча: «Какая, однако, дорогая рассада этой весной... Императорские сады... нужно столько рассады. Но кого волнует такая мелочь...».

Все мечтают жить долго, чтобы насладиться жизнью. Но, перешагнув пятый десяток, нетрудно понять: большинство мечтаний никогда не сбудется. Хорошо, если исполнится малая толика.

Заслышав шаги, Философ повернул голову. Слух у него был чуткий. Еще не увидев, узнал по шагам – Меченый. Не ошибся. Старый приятель присел рядом на мраморную ска-

мью.

– Завтра в Колизее смертельный поединок. Август приглашает тебя посмотреть, – сообщил Меченый.

– Не пойду. – Философ нахмурил брови.

– Придется. Ведь ты вернулся в Рим ради него. Значит, еще раз пойдешь в Колизей. Он будет там.

Философ поднял голову. Показалось ему, что старый друг что-то не договаривает. Но не стал спрашивать, что именно. С годами он научился не торопить события. Ценить очарование длящейся тихой минуты, даже если вслед за ней обещали грозу. Все почему-то торопятся на седьмом круге ¹². А он – нет. Напротив, стремится попридержать коней. Меловая черта пока не видна.

¹² Седьмой круг – последний круг в гонках на колесницах, финишная черта отмечена мелом.

Глава IV

Игры приговоренных против исполнителей

«Наконец сочинителя Кумия постигнет наказание за его мерзкие писания. Сегодня он выйдет на арену Колизея».

«Акта диурна», 8-й день до Ид апреля¹³

I

Перед боем на арену высыпали мальчишки и девчонки – члены молодежной организации «Надежда Рима». Все в красных военных туниках, в нагрудниках, на вид почти настоящих, в шлемах, горящих позолотой, с красным оперением. Эта нарядная юная армия маршировала по песку, который через полчаса должен обagrиться настоящей кровью. Бенит обратился к новому поколению с речью:

«Юные римляне! Вы – заря жизни! Вы – завтрашняя армия!»

И сам зааплодировал. Народ на трибунах в восторге бил в ладони. Да и немудрено – внизу по арене внимали диктатору

¹³ 6 апреля.

их дети. Дети были в восторге. Целая армия великолепных исполнителей. Но не гениев. Так всегда: гениям наследуют люди. А кто наследует людям? – такой вопрос мог бы задать Бенит. Но он не задавал вопросов – он изрекал ответы. И ему верили. Всегда и все. Или почти все.

– А неплохо было бы выпустить львов на арену, – сказал вдруг Аспер, наклоняясь Бениту. – Представляешь, какая бы вышла потеха. – Аспер затрясся от смеха.

С некоторых пор у этого тихого исполнительного бюрократа появлялись желания совершенно удивительные. Даже Бенит удивлялся. Вот и сейчас – тоже.

– Да, потеха была бы замечательная, – согласился диктатор. – Особенно ее конец. Потому что нам не удалось бы уйти живыми из амфитеатра.

– Ты преувеличиваешь гнев римлян, – фыркнул Аспер. – Они способны лишь на вопли. К тому же преторианская гвардия нас охраняет.

– Шутка насчет детей неудачна, – заметил Бенит. – Ведь это наши дети. – Он помахал рукой юным.

Трибуны разразились воплями восторга, похожими на рыдания. Или так показалось? Нелепое сравнение. С некоторых пор Бенит испытывал неуверенность. Он и сам не знал, почему. Но что-то его сейчас тревожило. Ах, да! Отсутствие Августа в ложе. Где же император? Главная потеха вот-вот начнется. Постум обещал прийти посмотреть, как будут убивать его учителя.

– Никогда не думал, что у нас с тобой, ВОЖДЬ, столько незаконнорожденных отпрысков, – хихикнул Аспер.

Очередная шутка сгладила неприятное впечатление от предыдущей.

В ложу заглянул префект исполнителей Макрин и протянул смятый листок Бениту.

– Раскидано по всему амфитеатру, – сообщил он.

Бенит глянул на листок и смял мерзкую бумажку.

– Очередное послание Нормы Галликан. Я уже его читал. Вновь злобный бред старой одинокой женщины.

Макрин пожал плечами:

– Не понимаю, почему ты возишься с этой скандальной бабенкой. Отдай приказ, и любой из твоих гвардейцев с удовольствием прирежет эту суку.

Бенит покачал головой:

– Будет слишком большой резонанс во всем мире.

– Весь мир – это Альбион и его прихвостни. Да еще вики. Какое тебе до них дело? Ты управляешь самой могучей Империей в мире. – Макрин так привык льстить, что не замечал уже, что льстит. – Норму все равно рано или поздно придется задушить.

– Норма Галликан... – задумчиво произнес Бенит, развернул мятую листовку и несколько секунд смотрел на бумагу. – Она могла бы мне помочь. Но не захотела.

И тут в ложу вошел император. Бенит с изумлением смотрел на Постума – тот был в легких пластиковых доспехах

гладиятора, шлем прижимал к груди. При виде Макрина Август рыкнул совершенно по-звериному, ухватил голову исполнителей за шиворот и выволок из ложи. При этом рванул с такой силой, что шелковая туника лопнула. Шелк-то оказался дешевый. Макрин что-то вякнул и получил хороший пинок под зад. Август никогда не пытался скрыть, что ненавидит Макрина. Глава исполнителей платил ему тем же. Бенита забавляла их вражда, порой диктатор их специально стравливал. Но всегда тайком или открыто Бенит в конце концов становился на сторону Постума. Макрина это приводило в ярость.

– В чем дело? – спросил Бенит, разглядывая доспехи императора. Он подозревал какую-то игру. Но пока не понимал – какую.

– Хочу повеселиться и выступить на арене. Коммод так веселился, почему бы и мне не последовать его примеру? Кажется, тебе нравится, когда я подражаю древним? – спросил Постум.

– Такое выступление унижительно для императора.

– Тем легче меня будет свергнуть, – подмигнул Постум Бениту. – А впрочем, это занятие было унижительным раньше. А потом, когда гладиаторы стали исполнителями желаний, напротив, превратилось в почетное. Все меняется со временем – смысл слов и назначение предметов. И даже мечты Империи меняются порой. После того, как меняются ее императоры. Так что вели присоединить к твоим ребятам

еще одного исполнителя. А то я прикончу их слишком быстро.

– Как бы они не прикончили тебя, – буркнул Бенит. – Оружие-то боевое. – Происходящее ему не нравилось. Он не желал гибели этому юноше. Видят боги – не желал.

– Ты отдал приказ меня прикончить? – Постум изобразил притворный испуг.

– Не говори ерунды. В Риме есть только один человек, который тебя любит. И этот человек – я. – Бенит верил, что говорит правду. И Постум ему верил. Почти. – Но приказать исполнителям подставить горло под твой меч я не могу.

– И не надо. Бой будет честным.

– Исполнители – прекрасные бойцы, – ухмыльнулся Аспер. – И они любят кровь. Как и я. – Аспер плотоядно облизнул губы.

– Это заметно.

И Постум вышел.

– Его действительно могут прикончить, – предположил Аспер и глянул на Бенита, пытаясь угадать – что думает диктатор по этому поводу.

– Пусть боги решают. Надеюсь, парень умеет драться. Кажется, его этому учили. Ведь он император.

– С моими ребятами ему не справиться, – сказал Макрин. Он потихоньку вернулся в ложу, и теперь из-за плеча Бенита озирал арену. – Они – самые лучшие. – Глава исполнителей выжидательно посмотрел на Бенита – что тот скажет. Но

диктатор не сказал ничего.

II

Приговоренных выпустили из куникула. Первым шагнул Корв, последним – Рыжий. И вдруг распахнулись ворота под императорской ложей, и на арену шагнул сам император. Зрители, начавшие свистеть при виде осужденных, умолкли – узнали Постума. Его появление было для них загадкой. Зачем император на арене? Хочет наградить? Или... неужели будет сражаться сам? Ропот побежал по рядам. Скорее неприязни, чем восторга. Из осужденных лишь Корв казался достойным бойцом. Остальные напоминали жертвенных животных, почему-то одетых в доспехи и вооруженных мечами и щитами. Вряд ли они продержатся и минуту. На самом деле минута – это очень долго. Это бесконечный бой – тот, который длится минуту. Все значительное слишком кратко, как Венерин спазм. Постум неспешно подошел и встал в ряд с осужденными. Муций по левую руку от него. Кумий – справа. Корв понял замысел и выступил вперед, заслоняя Кумия с другой стороны плечом. Рыжий занял позицию рядом с Муцием. Каждый опытный боец должен был прикрыть неумеху. Риск был велик. В предстоящей драке и собственную-то жизнь отстоять можно было с трудом. А уж если думать про соседа...

– Оставьте меня, не рискуйте. Я встану отдельно. Пусть я

погибну... не надо... – путано забормотал Муций. Вчерашний хмель прошел, а вместе с ним улетучилась и смелость. Теперь он отчаянно трусил. Да, он боялся. Но пусть будет Юпитер Всеблагой и Величайший свидетелем – он не хотел спасти свою жизнь ценой жизни старшего брата.

– Стоять! – рыкнул император и наградил приговоренного ощутимым тычком в бок. – Все решения принимаются до начала войны.

Против пестрого сброда вышли одетые в черное, закованные в черные доспехи воины. Исполнители казались монолитной неодолимой стеною. И даже пластик их доспехов выглядел вороненой сталью.

– Путь наступают, – сказал Постум, глядя, как черная шеренга движется на них. – Главное, не дайте себя обойти с флангов. Помните, новые Канны нам ни к чему. Рыжий, ты готов?

– А как же!

– А ты, Корв? Покажи, на что ты способен, парень!

Пятеро черных кинулись в атаку. Зрителям казалось, что осужденные вместе с императором полягут на песок, где стоят. Черная волна налетела на них, но не сшибла. Сверкнуло оружие, лязгнула сталь, вопль боли разнесся над ареной, и двое черных рухнули на песок. Шеренга осужденных распалась. Каждый теперь сражался за себя. Но в этой новой схватке мальчишка и Кумий оказались неучастниками. Они стояли посреди арены, растерянно оглядываясь, и

с изумлением наблюдали, как их товарищи орудуют щитами и мечами. Корв оказался отличным бойцом – меч его так и сверкал, будто ткал в воздухе замысловатую серебряную паутину. Больше витийствовал однако. Сравнения, аллюзии, метафоры – он прибегал к ним непрерывно, медля нанести последний разящий удар. Хороший ученик, но неопытный воин – видно сразу. Зато рыжий дрался за троих и первым опрокинул своего противника. На золотом песке стал медленно набухать красный круг. Зрители завопили, вмиг возненавидев черных. «Август! Август!» – неслось над Колизеем. Черные уже не наступали – оборонялись. Зрителям понравилась выдумка юного Августа. Постум старался – пусть римляне поглядят, как умеет драться их император. Все мыслимые удары и блоки были им продемонстрированы с тщанием. Трижды полоснул он противника до крови. Один раз и его задело, но чуть-чуть, и боль лишь разозлила Постума.

Корв в третий раз выбил оружие из рук противника. Тот поднял меч, и тогда рыжий встал на место Корва, решив избавить парня от сомнительной чести стать убийцей. Бой почти сразу завершился. На песке застыло раздавленным насекомым еще одно черное тело.

Постум остался с противником один на один. Пора было заканчивать. Трибуны неистовствовали.

«Если сейчас прикажу убить Бенита, его убьют, «– подумал, пьянея от одной только дерзкой мысли, Постум.

И едва не поплатился.

Противник сделал неожиданный выпад. Чудом император успел увернуться. И тогда, разъярясь, ударил по открывшемуся на мгновение бедру черного. Из-под пластиковой защиты вдруг вывернулась валиком полоса красного мяса. Исполнитель покачнулся. Постум ударил вновь – в шею. Кровь брызнула в лицо. Сквозь решетку шлема теплые капли упали на кожу. Исполнитель, еще живой, извивался на песке.

– Я люблю тех, кто остался в живых! – крикнул император звонким юношеским голосом.

Зрители на трибунах ревели от восторга. Кумий плакал. Муций, потрясая мечом, хохотал. Потом кинулся бежать вдоль трибун. Ему бросали цветы. Он поднимал, прижимал к груди и швырял назад – зрителям. А на арену летели новые букеты и венки. Наверняка они предназначались исполнителям. А достались другим. Постум поднял один из букетов и протянул Кумию.

– Ну, как? Нравится купаться в лучах славы? Сейчас нам на головы наденут венки победителей.

Кумий беспомощно развел руками.

– Знаешь, меня ни разу не награждали... ни разу... А тут... Меня наградят как гладиатора.

Кумий в надетом набекрень шлеме смотрелся нелепо. И пятна не им пролитой крови на его коже напоминали краску. Но он принял венок из рук юного императора и расплакался – в который раз за последние сутки.

Ш

Лишь один зритель в амфитеатре не вскочил с места, чтобы выкрикнуть в восторге имя Постума. Он сидел неподвижно среди прыгающих и орущих, сцепив руки в замок и положив на них подбородок. Если бы кто-нибудь обратил на него внимание, то по этому характерному жесту мог бы узнать странного зрителя. Но никому не было до него дела. Седовласый Философ смотрел на арену, где юный император обнимался со спасенным сочинителем. «Игра судьбы. Всегда только игра», – вот о чем думал Философ. Не просто игра – изощренная насмешка. Он сам когда-то бился и едва не погиб на этой арене. Быть может, на камнях Колизея до сих пор хранится микроскопическая частица его крови. Когда-то он сделал все, чтобы сохранить игры, пытаясь продлить прошлое, которому надлежало умереть, и вот теперь его собственный сын сражается на арене. На которой льется кровь. Когда-то, чтобы сберечь Империю, он отдал ее подонку. Нет, не стоит перечислять дальше все совершенные ошибки, потому что тогда начнет казаться, что было сделано лишь надлежащее. Если смотреть на мир с последнего ряда Колизея, сидя под пурпурным велариумом в жарком полумраке, то человеческая боль становится величиной второго порядка малости, которой вполне можно пренебречь. И тогда уже не имеет значения, что ты ненавидишь Бенита – потому что твоя

ненависть ничего не значит. И не имеет смысла ненавидеть тиранию, потому что Империя твоей ненависти не разделяет. Ты помнишь, что жил вчера и позавчера, и сегодня тоже еще не умрешь. И значит – жизнь твоя была очень длинной, и наверняка можно отыскать нечто, достойное упоминания в анналах. Но тебя не волнуют анналы, а волнует лишь одно – успеешь ты совершить то, что задумал?

Потеха закончилась, амфитеатр Флавиев быстро опустел – все зрители могли покинуть зрительские места за двадцать минут. Философ шел с последними восторженными почитателями, которые никак не желали расходиться и, останавливаясь в проходах, продолжали хлопать в ладоши, орать: «Постум Август» и свистеть. Император для них был почти что гладиатор, исполняющий желания. Но кто знает, может так оно и есть?

– А здорово он, здорово, правда? – обратился «обожатель» к Философу.

Тот не ответил и прошел мимо, опустив голову, и столкнулся с немолодой женщиной в белом платье. Странно среди пестро одетой публики смотрелась эта женщина в белом, да еще с деловой папкой в руках. Философ извинился и глянул ей в лицо. Она тихо ахнула и уронила папку. Узнала. И он узнал. Наклонился, стал собирать бумаги. Она не двигалась, стояла, будто одна из многочисленных статуй в нишах. Он подал ей папку, она механически взяла.

– Я ищу Понтия, – сказала женщина зачем-то. – Мы до-

говорились встретиться, а его нет.

Наверное, не хотела, чтобы Философ подумал, что она специально за ним следила.

– Рад видеть тебя, Порция. Очень рад. – Он говорил искренне. Он в самом деле испытал радость от этой встречи, хотя она, то есть встреча, сулила ему лишь опасность. – Как сын?

Порция растерялась. То ли не хотела говорить о Понтии, то ли вообще не хотела говорить.

– Ничего. Как все. И я рада. Правда, рада. – Она через силу улыбнулась. – Мне надо идти. Прости. – Она заспешила к выходу, почти побежала.

Не оглянулась. От кого она бежит? От Философа? От своего прошлого? Или от своего настоящего?

Выйдя из Колизея, Философ обернулся и взглянул на четырехъярусную облицованную мрамором громаду. В верхних арках – бесчисленные статуи. Прежде, когда он смотрел на Колизей, то видел только мрамор и пурпур, и золото повсюду. А теперь все обнажилось – будто некто содрал облицовку и драпировки, повсюду мерещились каркасы, контрфорсы и арки перекрытий, невидимые прежде, и вместо мрамора – серо-коричневый туф. И кровь. Колизей похож на крепость. Но он не защищает а, напротив, смертельно опасен. Камня столько, что из него можно выстроить новый Рим. А сколько крови? Сколько жизней оборвалось здесь? И что можно было сотворить из них? Что могли сде-

лать те, бессмысленно убитые? Мир упущенных возможностей, мир, слишком тесный для людей, мир, замкнутый, как эллипс Колизея, в котором никто не знает ответа на вопрос: «Как искупить прошлое»? Тому, кто найдет ответ, поставят памятник куда выше Аполлона. Нет, Колизей – отнюдь не та стена, за которой можно укрыться. Величие еще не означает истины. А истина в том, что жизнь коротка, а желания – не исполнимы.

IV

На стоянке Философ отыскал пурпурное авто императора. Преторианцы не хотели его пропускать, но Философ указал на надетое поверх черного платка золотое ожерелье, похожее на галльский торквес. Только на этом была выбита надпись – «Философ, раб императора». Увидев ожерелье, преторианцы беспрепятственно допустили Философа к машине Августа. Постум уже сидел на заднем сиденье, обнимая Туллию.

– Ну, как, тебе понравилась развлекуха? – поинтересовался император. – Признайся, что понравилась. – Август хлопал Философа по плечу.

– Нет. Не понравилась. Не люблю, когда убивают на арене.

– Вот как?! Тогда ты чудовищно стар, приятель. Ныне другие времена, и другие нравы. А я люблю игры. Особенно те, где надо драться.

– «О, времена, о, нравы»! – воскликнула Хлоя, смеясь. –

Ты здорово дрался, Постум Август!

– Ты бы видела Бенита – он чуть не лопнул от ярости, когда побили его черных. Кумий, ты видел его рожу?

– Нет, – признался сочинитель. – Я плакал... так, как не плакал, когда получил двойку за письмо при поступлении в лицей... клянусь Геркулесом.

– По-моему, Бенит был доволен, что ты победил, – сказала Туллия. – Я сидела совсем недалеко от императорской ложи. Клянусь, Бенит был доволен. Зато Макрин – в ярости.

– Да? Может быть. Но Макрин проиграл. Проигравший ничего не решает. Кстати, а где Рыжий? – обеспокоился Постум. – Я его не вижу! Этот парень мне приглянулся. Я бы взял его к себе в свиту. Мне как раз не хватает еще одного сумасшедшего. Они бы составили с Философом прекрасную пару. Рыжий! – крикнул Постум. Но никто не отозвался. – Да кто-нибудь видел Рыжего? – спросил император раздраженно.

Крот пожал плечами.

– Удрал, – предположил Кумий. Он снова был в свите. Обнимался с каждым. Даже с Философом.

Двое спасенных ехали во второй машине следом за пурпурной «триремой» императора. Время от времени Муций начинал приветственно размахивать руками в надежде, что Август заметит его изъявления признательности. Зато Корв старался держаться солидно, с достоинством, и лишь время от времени утирал предательски влажные глаза.

– Что будет с этими ребятами теперь? – спросил Философ.

– Я их отправлю на Крит. Всех, кроме Кумия, разумеется.

Этого оставлю при себе. Он меня веселит. А тебя нет?

– На Крит? Зачем?

– Пусть составят компанию Норме Галликан. Старушке там скучно. Она шлет мне такие чудесные письма, не замечая, что время эпистолярной борьбы прошло.

– Ты переписываешься с Нормой Галликан? – изумился Философ.

– А почему бы и нет? По особому каналу, разумеется. Как ты думаешь, на какие деньги Норма Галликан живет на Крите? На работах по реставрации дворца Миноса она вряд ли может заработать больше двухсот сестерциев в месяц. Я посылаю ей деньги и книги. А она мне шлет письма. Пытается убедить меня отказаться от пороков. Она ведь считает, что я очень порочен. Очень. Но продолжает убеждать. А я описываю ей все мои безумства – настоящие и мнимые. Все мои Венерины похождения, все наслаждения, тайные порывы души. И ее это несколько не коробит. Она не оставляет надежды вернуть меня на путь добродетели. А я с этого пути стараюсь свернуть. Думаю, она читает мои письма с большим удовольствием. Она недурно рассуждает о многом. Кроме секса, разумеется. И современной музыки. В музыке она ничего не понимает. Так что пусть воспитывает этих ребят. – Август кивнул в сторону второй машины. – Корв и Муций ей понравятся. Хорошие парни. Не хочешь написать Норме письмо,

Философ? Думаю, тебе есть, что сказать старушенции.

– Она не так уж стара, – задумчиво произнес Философ.

– Твоих лет, надо полагать. Может, чуть старше. Но упорная, не сдаётся. Истинная римлянка. Упрямство – наше достоинство и наш порок. Помнишь, как Полибий говорил о нас, римлянах? «...раз какая-нибудь цель поставлена, они считают для себя обязательным достигнуть ее». Так что неудивительно, что Норма Галликан надеется перебороть Бенита. И у меня иногда мелькает шальная мысль: а вдруг ей это удастся?

– Ей это удастся, – сказал Философ твердо.

– О, не сомневаюсь. Лет через сто какой-нибудь новый Плутарх, возможно, правнук моего учителя, напишет жизнеописания Нормы Галликан и Элия Цезаря. А для контраста Бенита и Постума. Звучит неплохо.

– Тебе нравится соседство Бенита? – спросил Философ.

– Меня не спросили, когда помещали мою юную особу под опеку диктатора. Так что теперь мы неразлучны. Мы рядом, связанные крепче, чем родством, телом самой Империи. И не тебе нас разлучить!

– Постум, прекрати свои дурацкие шуточки, – воскликнула Хлоя, заметив, как побледнел Философ.

– Я не сказал ничего дурного. Одну правду, чистую правду, которую так любит мой друг Философ. Мой раб Философ. А сейчас мы устроим пир. Пир по случаю спасения нашего боголюбимого Кумия. Кумий обожает пиры, не так

ли?!

– Обожаю, – поддакнул поэт. – Но сегодня у меня нет аппетита.

Только теперь все заметили, что он бледен до какого-то болезненного зеленоватого оттенка.

– Кумий, что с тобой? Неужели отравился вчера грибами?

– Арена... – только и выдавил Кумий и едва успел перегнуться через борт авто, как его вырвало.

– Фу, Кумий, – сморщился Постум. – Неужели ты еще не привык к виду крови?

– Нет, – сказал тот со страдальческим выражением лица. – Я никого за свою жизнь не убил. И никого не хочу убивать. Я только пишу стихи.

– По-моему, это куда страшнее, – улыбнулся Постум. – А ты, Философ, не сочиняешь стихи?

– Нет, – ответил тот после паузы.

– Ну, наконец-то я отыскал в тебе хоть какое-то достоинство, – рассмеялся император.

– Но он наверняка пишет прозу, – не удержалась от ехидной реплики Туллия.

– Проза – совсем иное дело. Проза похожа на длинное письмо к неизвестному адресату. Можно прочесть твое письмо, Философ? Разумеется, там много нравственных поучений. Но парочку свежих мыслей тоже можно найти.

Философ молчал.

– К примеру, – продолжал Постум задумчиво. – «Проиг-

равший ничего не решает»... Тебе нравится это высказывание?

– Ты не побоишься прочесть *мое* письмо?

– Не знаю, – отозвался Постум.

V

Вся компания первым делом отправилась в бани. Постум с молодежью в терпидарий, а Меченый и Философ выбрали отделение пожарче. Когда Философ отворил дверь в кальдарий, то обнаружил, что там уже кто-то есть. Сквозь клубы пара угадывалась голова и плечи сидящего на скамье человека. Философ, подойдя, с изумлением обнаружил, что человек этот необыкновенно схож с ним, вот только на теле его нет ни одного шрама.

– Привет, Философ! – воскликнул двойник, поднял руку и тут же уронил ее в изнеможении. – Присоединяйся.

– Что ты здесь делаешь?

– Живу здесь. Я почти не покидаю дворец, чтобы ребята Бенита меня не обнаружили. Но зато все время подле императора. Чуть что – и он призывает меня к себе. Ну да, – усмехнулся Гэл, – мне пришлось вместо тебя заняться воспитанием твоего сына, когда ты от него отказался.

– Теперь понимаю, почему Постум превратился в законченного негодяя, – прошептал Философ.

Он сбросил простынь, в которую был закутан, и погрузил-

ся в горячую ванну.

– Ты не прав, – вздохнул бывший гений. – Я внушал ему те же мысли, что когда-то внушал тебе. Только семена упали совсем на другую почву. Но всходы получились изумительные. Я горжусь своим произведением. Да ты и сам вскоре его оценишь. Кстати, с тех пор, как мы расстались, на твоём теле прибавилось шрамов. Ты сильно рискуешь, как видно. Не боишься, что клеймо Вера может не выдержать в самый неподходящий момент? Нить твой судьбы порвется, и ты погибнешь мгновенно.

– Я ничего уже не боюсь, – отозвался Философ.

– Да, ты всегда был смелым, помню.

Гэл поднялся, принял картинную позу.

– Я так же молод, как и двадцать лет назад. А ты? Ты похож на старую развалину. Фу, противно смотреть.

И Гэл, решив, что одержал внушительную победу, удалился из кальдария.

– Мерзавец, – сказал Меченый.

– Как ты думаешь, Квинт, что Гэл мог рассказать Постуму?

– Все рассказал. Все, что знал. Тебя это смущает? Тебе есть, чего стыдится перед сыном?

– Наверное. Каждому есть, чего стыдится.

– Ну и хорошо. Тогда есть надежда, что вы с Постумом найдете общий язык. Потому что он стыдится очень многого. И потом... знаешь, о чем я подумал? Гэл ведь пытался

заменить тебя. Значит, хотел походить на тебя. Видел его лицо? Это же ты двадцать лет назад. А внешность гения всегда такова, каков он сам.

После возвращения в Рим Меченый переменялся. Он стал весел и уверен в себе. Будто нашел нечто, потерянное в изгнании. И даже помолодел. А может, и сам Элий переменялся? И тоже стал моложе? Душой, во всяком случае – точно. Ему начали нравиться вечеринки Постума – на них он вдруг почувствовал себя нечужаком. Как будто вернулся не просто в Рим, а на двадцать лет назад. К тому же Хлоя...

Он подумал о Хлое, ощутил приятный жар в груди. И улыбнулся.

VI

Когда Философ и Меченый явились в триклиний, пир уже начался. Подавали закуски – вареные опенки, все один к одному, похожие на крошечные колеса крошечных колесниц с красным соусом, ядрено приправленные перцем; затем следовало филе мелких рыбешек в винном соусе, настолько нежное, что таяло во рту, и, конечно же, – фаршированные яйца, наполненные гусиным паштетом. Ведь римский обед всегда начинается с яиц. Меньше пользовались спросом мозги, сваренные в молоке, посыпанные зеленью и укропом. Все это было изысканно, но не особенно дорого – к примеру, банки с консервированным рыбным филе в винном соусе про-

давались в любой лавке по сестерцию за пару. С потолка по древнему обычаю падали лепестки роз. Зажгли настоящие светильники. Запах горящего масла смешивался с запахом благовоний – будто не в триклинии они пировали, а в храме.

– Философ, душка, возляг рядом с Маргаритой и Хлоей. – Философ заметил, что между девушками оставлено для него на ложе свободное место. – А то Марго опасается, что Хло будет приставать к ней, – с усмешкой проговорил Постум. – Но ты у нас вне подозрений. В старости легко быть воздержанным. Когда я доживу до твоих лет, Философ... Но, к сожалению, я не доживу. Бенит прикончит меня через месяц-другой. Может, мне жениться? Нет, не стоит, он ударит моего сына, если тот появится на свет. М-да, как ни поверни, всюду проигрыш. Может, ты подскажешь, как мне выиграть, Философ?

– Подскажу, – отвечал тот после недолгой паузы.

– Ну и как?

– Переживи Бенита.

– Пережить? Как это? Чтобы он откинул копыта прежде меня? Ну и задачка. Правда, у него язва, и венерическими заболеваниями он мучился. Но он вполне протянет еще лет двадцать.

– Переживи, – повторил Философ. – Одолей его жизнь своею.

Постум не ответил. И никто не ответил. Тишина, воцарившаяся в триклинии, сделалась тягостной, густой как сироп.

– Пережить... – повторил вновь император задумчиво. – Помнится, я пытался когда-то это сделать. Мальчишкой хотел спасти Курция. Отменить закон об оскорблении Величия. И проиграл. Я так испугался и так расстроился, что описался прямо в курии. Помню, тога сделалась сначала нестерпимо горячей, а потом ледяной. Так и до сих пор – все лед и холод, а на самом деле всего лишь моча. Потом, помню, мы бежали куда-то. Я и какой-то гвардеец. Потом кого-то убили. Или это было до? Кажется, убили мою няньку. А вот Бенит точно пережил и ее, и меня, будто переехал колесами своего бронированного авто. Потом тоже занятно. Я скакал под дождем на бешеном жеребце и едва не разбил себе голову – это было в Паннонии. Один человек спас меня и пообещал рассказать и научить как сделать то, о чем говоришь ты сейчас, Философ. Но меня увезли в Рим, а он не посмел последовать за мной. Он бросил меня и не научил. Сказал, что он заключил договор, по условиям которого не имеет права вернуться в Рим. Так что я не могу пережить Бенита, но могу поиздеваться над ним, умирая.

– Не надо так печально, – попросила Туллия. – А то я заплачу. Мы все умрем за тебя, Август. Все до единого. Ты знаешь.

– Умрем, – подтвердила Хлоя. – Ты купил наши жизни по много раз.

Крот молча кивнул, подтверждая договор.

– А ты готов умереть за меня, Философ? – насмешливо

спросил Постум.

– Да, – не задумываясь, отвечал Философ.

Маргарита в изумлении глянула на своего соседа.

– А я не собираюсь за него умирать! Потому что ты, Август, жалкий комедиант.

Все захохотали. Торжественная и трагическая ткань разговора мгновенно распалась – смех убил ее.

– А я и не надеялся на такую честь! – засмеялся Август в ответ.

– Я говорю серьезно! – Маргарита и сама понимала, что выбрала ненужный тон. Но какой тон должен быть в такой компании? Она вообще не бывала на молодежных пирушках, сидела дома с книгами и пожилыми родителями. И вот теперь постоянно кого-то задевала и говорила невпопад. И замечала это, и злилась на себя и на других.

– Не надо спорить о козлиной шерсти¹⁴, – фыркнула Хлоя.

– Маргарита, ты в самом деле так глупа или только притворяешься? – спросила Туллия.

Девушка обиделась и вскочила.

– Ляг, – приказал Постум. – Я не разрешал тебе уходить.

Девушка поколебалась, но нехотя подчинилась.

– Как я погляжу, Философ умнее тебя. Он, по-моему, начал кое-что понимать. Хотя до него очень долго доходит. Добродетель мешает ему думать. Так, Философ?

Философ пригубил вино. Помолчал.

¹⁴ То есть о пустяках.

– Я прекрасно понимаю, на что ты намекаешь, Август. Но боюсь в это поверить.

– Боишься, – повторил задумчиво Август. – Но ты бы хотел в это поверить, не так ли?

– Да, больше всего на свете.

– Представь, Философ, невозможное иногда сбывается.

Тем временем между ложами просунулась огромная серо-зеленая голова. Она поднялась повыше, с наглой ухмылкой оглядела присутствующих и облизнулась.

– Меня, как всегда, забыли позвать, – пробурчал Гет и заглотил разом жареного цыпленка – Хлоя как раз принесла с кухни поднос с горячим. – С утра не евши – и никакой благодарности.

– Тебя нельзя звать к началу обеда, – отвечал Постум. – Иначе все остальные уйдут из-за стола голодными.

– Так закажи побольше жратвы. Нельзя экономить на друзьях, император.

Гет ухватил хвостом серебряную чашу и осушил залпом.

– Фалерн... м-м-м... Обожаю. Когда ты умрешь, Август, я буду вспоминать со слезами на глазах эти пирушки.

– Ты собираешься меня пережить, старая скотина?

– Конечно, ведь гении бессмертны. А ты хоть и император, но не гений.

– Я на четверть гений.

– Этого слишком мало для бессмертия. Так, несколько строчек в учебнике истории могут остаться. Но не больше.

Гений потянулся за ветчиной. Но Крот успел выхватить прямо из-под носа змея кусок и целиком запихал в рот.

– Так нечестно! – обиделся Гет. – Он пользуется тем, что у него есть руки! А у меня один-единственный хвост. Хлоя, милочка, передай мне вон тот окорок, запеченный в тесте с лавровым листом и фигами по рецепту Апиция. Бедняга Апиций, он покончил с собой, когда не смог пировать так роскошно, как прежде.

Философ давно заметил, что на пирушке нет слуг. Если надо было подать новое блюдо или наполнить чаши вином, кто-нибудь из девушек вставал, брал из соседей комнаты принесенные яства и обносил гостей. Иногда Крот или Гепом им помогали.

– И венок! – крикнул вдогонку Гет. – Непременно из фиалок. Он мне больше всего к лицу.

И Хлоя надела на него венок.

Маргарита полагала, что станет свидетельницей одной из тех безобразных оргий, о которых болтал Рим. Вместо этого она очутилась на вполне пристойной молодежной пирушке, где пили не так уж и много, причем вино было разбавлено, а пределом непристойности были мимолетные поцелуи в губы. Запах дорогих вин смешивался с запахом цветов и ароматом горящего масла и благовоний. В сиреновом теплом воздухе триклиния время остановилось, хотя старинный хронометр на стене продолжал прилежно отсчитывать минуты. Как ни странно, но Маргариту это злило. Ей хоте-

лось разразиться обличительной речью. Тем более что рядом был Философ, и она чувствовала себя под его защитой. Но повода не было. Порой император бросал на свою пленницу-гостью насмешливые взгляды, как будто ожидал от нее этой неуместной речи. Маргарита понимала, что ее обвинения прозвучат нелепо в обстановке совершенно неподходящей. Но ей нестерпимо хотелось высказаться.

– Какой тебе венок, Маргарита? Фиалки? Розы? – спросил Постум.

– Попроси у него нитку жемчуга... – шепнула Хлоя. – Он оценит игру слов.

– Эти черные розы, верно, символ... – произнесла Маргарита, страшно волнуясь. – Символ того, как ты запятнал себя, Август.

Постум наигранно поднял брови:

– Чем же я запятнал себя? Или она полагает, что пятно спермы на тунике нельзя отмыть?

– Темен твой союз с Бенитом.

– Что она понимает под союзом с Бенитом? – поинтересовался Гепом.

– Не знаю. Бенит спит только с женщинами. Меня он никогда не домогался. Так что никакого союза не было.

Маргарита чувствовала, что должна замолчать, но не могла остановиться.

– Ты утверждаешь законы.

– Только после того, как их примет сенат. Воля сената для

меня священна. Если сенат против, я ничего не подписываю. Так что претензии не ко мне. Предложи сенату всем составом подать в отставку. Возможно, они прислушаются к твоему мнению, устыдятся, прослезятся и попросят у римского народа прощение.

Все принялись хохотать. Все, кроме Философа. Туллия свалилась бы с ложа, если б император ее не поддержал.

– Ладно, вам, ребята, издеваться над человеком, – попыталась утихомирить их Хлоя.

– Раньше юноши и девушки приходили на Авентин к подножию статуи Свободы и произносили там обвинительные речи. Но теперь им некуда идти. – Философ старался говорить серьезно, но и он не смог удержаться от улыбки.

– Сенаторы... устыдятся... – хрюкала от смеха Туллия. – Стыд... Каков он у них... И где... спрятан... – попискивала она между приступами смеха. – Стоит поискать... Но стыд сенаторов куда меньше их высохших фаллосов.

Маргарита одарила Туллию полным ненависти взглядом.

– Кстати, почему я слушаю ее поучения и не злюсь? – поинтересовался Постум.

– Потому что у нее восхитительная грудь и еще более восхитительная попка, – предположил Кумий, к которому наконец вернулось его всегдашнее остроумие.

– Да, попка очень даже ничего, – согласился Постум. – А грудь так себе. Но какие ее годы. Все еще впереди. Однако на сенаторов и эти доводы могут произвести впечатление!

– Жаль, что вы не понимаете, как все вокруг мерзко, гадко... Что нельзя жить в дерьме, – прошептала Маргарита, давясь слезами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.